

ГРИГОРИЙ РЯЖСКИЙ
СИМУЛЯКР

18+

Григорий Рязский
Симулякр

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Ряжский Г. В.

Симулякр / Г. В. Ряжский — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Пожалуй, этот текст не сможет не заинтересовать самого искущённого читателя. Антиутопия, не укладывающаяся в рамки привычного жанрового восприятия, сочетает в себе как элементы фэнтези, так и абсолютный реализм истории, сочинённой в духе классического романного повествования. Этот гротесковый роман об устройстве верхушки российской власти написан не только с юмором и болью, но ещё и в духе язвительной сатиры, вскрывающей способы существования внутри властных структур широко известных и тёмных персон, пробравшихся к самым её вершинам.

Григорий Рязжский

Посвящается 86% читателей.

Симулякр.

*роман-симулякр или антидокументальная хроника из жизни одного подвида.
(совпадения случайны)*

То, что ты делаешь в данный момент, вполне может оказаться твоим последним поступком на земле. В мире нет силы, которая могла бы гарантировать тебе, что ты проживёшь ещё хотя бы минуту.

Карлос Кастанеда

Россия опасна мизерностью своих потребностей.

Отто фон Бисмарк

Я не горжусь, что я русский, я покоряюсь этому положению.

Алексей К. Толстой

1.

В первый раз я, Гарри Львович Грузинов, а в недалёком прошлом – Гарик Грузинов-Дворкин, ощутил это волнующее чувство, когда они аккуратно подбрили мне височки и финально прошлись опасной бритвой ото лба и выше, прихватив по пути краешек области ранних залысин. Только это было потом. До этого, помимо хирургического вмешательства, включающего тройной общий наркоз и последующий многонедельный отходняк, нужно было ещё слегка нарастить возраст, добавив несколько не относенных организмом лет. Теперь я это понимаю в деталях, не хуже того подземного пластического хирурга и местного стилиста-брадобрея из органов охраны больших государственных тайн при ВП ВРИ. Полагаю, расшифровки последнего не требуется, поскольку записи веду не из какого-нибудь затхлого подполья, что слабый духом читатель мог бы предположить с десяток лет назад, – нет и нет. Пишу, как положено – сидя в полумягком кресле-вертушке, в собственном небольшом кабинетике, единственным арочным окном выходящим на край Ивановской площади, – но так, что глаз цепляет и площадной булыжник, и верх Успенского Собора, и даже кусочек Царь Колокола. Правда, Пушка – тоже Царь – уже не в поле зрения: однако если как следует поразмыслить, это не так уж и плохо, потому что я против любой войны и всякого насилия. Дед мой, Моисей Наумыч, тоже был не в ладу с тем и другим – вплоть до самой кончины в девяносто третьем. Тогда, собственно, и начались эти необратимые события, которые завели меня в стан ВП.

То как правильно называлось строгое ведомство, ведавшее моей проверкой и подготовкой, я узнал лишь после того, как прошёл первое и сразу вслед за ним второе испытание на профпригодность. Третий раунд приготовительных мероприятий скорее служил уже не проверкой, а больше походил на исследование самОй человеческой фактуры. Туда уже входили совершенно особые изыскания, начиная от обследований на психическую устойчивость и заканчивая удивительными тестами, которые всякому претенденту на должность следовало пройти быстро, чётко и с подходящим результатом. Тесты были необычны настолько, что иногда вводили в ступор самой постановкой вопроса. Однако, понимая важность дела, я старался не тормозить, быстро сообразив, что лучше немного сглупить, чем выдать душевное волнение или проявить явную нерешительность. Возможно, именно в силу этого интуитивного нахальства меня и взяли на сверхтайную государеву службу. К Кирке, в его самый верхний аппарат. В служение Кириллу Владимировичу Капутину, Верховному Правителю Возрождённой Российской Империи. То есть ВРИ.

Впрочем, всё равно: любые испытания, а также годные или не слишком результаты, как и все прочие соображения относительно моей персоны, в итоге были утверждены лично им, Киной, Правителем ВРИ. И объяснение тому самое простое – то был я, Гарька, надёжный друг далёкого детства и, как допускаю, единственный из живущих окрест *него* людей, допущенный к разуму и сердцу. Не опричник, конечно, из преданных и верных, и не Ионыч какой-нибудь, и не Хорь, но и не простой службист из наиболее тайных и сокрытых от чьих-либо глаз. Как, например, костоломы со Старой площади, пожизненно упакованные в свою невозвратную шахту.

Он так и сказал мне, Хорёк, но лишь после того как люди из Сыскарского Управления нашли меня в сугробе, уже сильно к тому часу нетрезвого. Было это, кажется, на нерабочее Рождество: то ли в самом начале празднования, то ли ближе к финалу всей этой безобразно пьяной недели вокруг православного варианта явления миру благоносного младенца.

Они копнули, вытянули за ногу, стряхнули снег с моей заиндевевшей физиономии. И, отпрянув, застыли. Уж не знаю, чего подумали они в тот момент, но только скоренько нахлобучили мне на голову валявшуюся поодаль шапку из выдавшего вида кролика, поставили на ноги и прохлопали по щекам. Один, кажется, спросил другого:

– Братан, думаешь? Про какого сам не в курсе?

Другой недоверчиво мотнул головой и обратился ко мне:

– Паспорт имеешь?

Я, помню, в ответ им тоже чем-то мотнул, силясь устоять на ногах, – больше невпопад, чем по делу. Они были из сыскарских, это ясно. Шапки – типа пыжик, не разобрал в тот момент хорошо – но всё, как раньше. Пальто – глухие, серые, прямые – тоже, как прежде. Взгляд – пробивающий, настороженный, ждущий, опасный: всё, как всегда.

– Имею, вроде, – промычал я неуверенно и, поковырявшись за пазухой, вытянул на свет красную книжицу с поцарапанным на обложке серпом и потёртой от длительной носки левой головой бледно-золочёного двуглавого орла. Чуть ниже, по центру затейливой виньетки, – три более-менее сохранившиеся буквы «ВРИ».

Один из них, что повыше ростом, брезгливо скривился:

– Ишь, срань, даже серп ухитрился не сберечь. А второго орла затёр, прям как последнюю свиристель какую. И где вас только берут таких в наше-то время.

– Там всё нормально, товарищи... – пробормотал я в попытке уклониться от прямого обвинения в непатриотичности, – право на жительство в городе имеется, как положено, а вообще, Гарик я, Гарри Львович, русский, фамилия – Грузинов. Коренной я, здешний, всегдашний. С Каляевки, изначально. А постоянно – на Бауманской, напротив Собора живу, Елоховского. – Сказал и сообразил, что повезло, потому в единственном числе меня откопали. Было бы больше двух – подпал бы под недавний указ о митингах и собраниях на территории империи, где чёрным по белому писано: больше двух не собираться, иначе народный сход объявляется политической демонстрацией.

– Львович, говоришь? – нехорошо ослабил тот, что покороче. – Ну и с каких сам-то – с «ваших» иль с грузиняк?

– Я б-буду с русских, – снова неуверенно промычал я, – сами что ли не видите, товарищи?

– Ну по голове вроде свой... – длинный втянул носом воздух и через рот выпустил трубу тёплого пара. «Да им просто делать не хрена, – подумал я, – ходят, ищут, рыщут, авось чего зацепят для отчёта своему сыскарскому начальству. Ненавижу...». – Волос-то, гляжу я, у тебя светлый, чистый, русый. А валяешься прям как инородец. Как львович какой-нибудь бесхристовый, не к ночи будет сказано. Между тем, ночь уже стояла полноценным столбом, будто выросла в промёрзлую московскую землю не до привычного утра – вялого, зимнего и неприветливого, – а имела планы много суровей: оставаться в этом негостеприимном месте несгибаемо и навечно.

– А ты хоть знаешь, на кого похож-то, чума болотная? – поинтересовался короткий, окинув меня взглядом – от ботиночных шнурков и до кроличьих тесёмок на затылке.

– Ну-у... разное говорят, – уклонился от прямого ответа, опасливо кашлянув, – кто говорит, на Луначарского, но без бородки, а кто – на лампочку Ильича, когда свечусь не по делу.

В этот момент тот, что повыше, произвёл короткий тычок в направлении моей куртки на слабом синтепоне, ровно между второй и третьей пуговицей. Охнув, я согнулся и тут же, теряя по пути равновесие и кислород, ввинтился ушанкой в сугроб, из которого двое неизвестных измывателей только-только извлекли моё тело на тусклый свет московского переулка. Помню, раньше он звался Нижне-Кисловский, теперь же именовался Вторым Верхним Духоподъёмным. Впрочем, номеров домов нововведение не коснулось, и потому большинство граждан из проживающих фактом этим остались довольны, отписав по поручению Представителя благодарность мэру Кошаку.

– Не по делу, значит?

Длинный сунул паспорт в карман, повторно вытянул меня в тьму пустого переулка, секунду-другую дал подышать и отдал короткое распоряжение:

– Завтра сидишь по адресу местожительства, против своего сраного Собора и ждёшь кого-то из наших. Никуда не дёргаешься, пока не приедут и не скажут слов. Это ясно?

Я кивнул, было ясно. И ещё было отвратительно страшно. Прежний градус, утекши в снежный сугроб, медленно отпускал: другой, глубоко внутренний, наоборот, накапливался и делился, множась, словно клетки голоногой инфузории, ещё не ставшей смертельной, но уже сделавшейся нехорошей и опасной.

Метро им. Ленина снова работало не на полный оборот. Быть может, оттого, что в эти дни шла всенародная дискуссия насчёт того, вернуть ли подземке имя Лазаря Кагановича или же оставить как есть, навечно закрепив это дело за мумией Ильича. С одной стороны, считали на имперском верху, это справедливо – не трогать святое. А с другой, если взглянуть на народную память ракурсно, то уже к середине девяностых её успешно подтянули обратно к Усатому, одолев противостояние колеблющихся и неверных, приглушив горластых и заткнув иных, всё ещё одолимых бесом правд и свобод, изолировав гордецов и довольно мягко наказав неугомонных. Лазарь, как-никак, соратник Виссарионыча, а не Ильича, и хотя он патриот не титульной нации, но для разнообразия, для справедливости исторического равновесия вполне сгодится.

В общем, в тот вечер я спешил домой, на Бауманку, где после смерти деда Моисея и мачехи его Анны Аркадьевны продолжал тянуть прописку в скудном одиночестве.

На метро не успевал. Начиная с 95-го, власть распорядилась сократить время работы общественного транспорта. Во-первых – для экономии всеобщего ресурса, во-вторых – чтобы не болтались в позднее время: я и остальной дурной народ. То и другое, решила власть, продуктивно скажется на воспитании личности гражданина, а заодно избавит столицу от вольнодумства в вечерние часы, самые опасные. Когда-то это называлось синдромом Жан Жака. А может, Фурье, или как-то ещё, близко к этому нерусскому определению. Но только нынешние всё это быстро стёрли. Вымарали так, что и концов не найти. И всё затихло, надолго.

Я тогда дослуживал ещё, не застал. А как пришёл с дембеля, уже после того как танки отдолбили по Белому Дому, то всё было кончено. Не сработали их башенные орудия, не дострелили. А кто в Доме прятался, те не только выжили, но и захвачены не были. Вышли на чистый октябрьский воздух свободными. И всё обратно повернулось, благодаря генералу Галкину, в ту пору заму тогдашнего Министра обороны. Он, говорят, те танки таманские, что на Дом целились, развернул в роковую минуту и на Останкино повёл, прямо через город – брать и занимать частоты Правды. Ему потом дали Министерство под полное начало, произведя арест неверного министра вместе со всей бандой, что стояла у власти после ГКЧП. Ну а в виде приятного бонуса пообещали землю в безналоговом Монако или где-то ещё. А на земле той вилла

для семьи и дом для прислуги: местной, чистой, аккуратной в обиходе и словах, плюс к тому оплаченной за счёт спасённой генералом казны. Ну он и спас: где на чистой крови, где железом о железо бряцнул, больше взяв на испуг. Послал верную роту за бандой и отдельно за предателем-президентом. Поначалу все ему верили, но вскоре сдали обратно. Хотя лично сам я второй год ещё тянул в своём Новозыбкове, только-только из молодого в черпаки перешёл и пребывал в тамошней больничке после страшного избиения и потери насмерть отбитой почки. Однако вторая по счёту неприятность выяснилась лишь потом, через какое-то время после выписки с диагнозом «Пр.здоров». Помню ещё, дед мой Моисей Наумович, тейглах в бандерольке прислал саморучно изготовленный – шарики такие в меду, национальная кухня нашей пустынной нации. Медички уплетали за обе щеки в то время, как двухзвёздный Галкин из негромкого генерал-лейтенанта становился маршалом и министром всея воинской Руси. А частоты эти... Уже потом, с лёгкой руки власти народ прозвал их «Спасительные частоты Руси». Ну а при Кирилле Первом они стали именоваться ещё проще и короче – «Частоты ВРИ».

Так вот, про алкоголь: он ведь по-любому – до пяти, если в светлое время суток. И только по будням, ясное дело. Ну и где-то до трёх дня – если в тёмное, зимнее, страшное. И тоже исключительно в трудовые дни, но лишь по нечётным, за минусом выходного дня, воскресного. Единственного, разумеется. Помню, как только приняли в Верховном Совете Народной Думы соответствующий Указ, так народ сразу же и спросил, а что, мол, такое «тёмное время»? И какое есть «светлое»? От солнца? От луны? От невидных глазу планет? От цвета пива? От горящих метеоров, от свистящих бандитским посвистом огнехвостых метеоритов? Как, мол, жить, товарищ власть, без такого важного знания, когда же успевать прикупку согревающего?

Не ответили. Промолчала власть, тогда ещё не ставшая ВРИ. И пока без ВП. Без Кирки. Просто вбросили через средства эфирного донесения, что пробуйте, мол, и держитесь: вписывайтесь сердцем, встраивайтесь в ряды, чувствуйте свет, как он есть, тьму же ощущайте, словно нет её вовсе. А кто не успел, не спрятался – я не виновата, ваша верная слуга.

В тот вечер я так и не успел в подземку. И потому шёл пешком – сначала по пустынному центру в направлении площади имени восстановленного в бронзе Феликса. На нём – всё та же простая шинель строгого солдатского сукна, прямая, как и сам он, бдящий воин и герой на все времена. Под шинелью – кирзовые сапоги, сменившие прежние яловые, больше офицерские чем рядовые. Да и фигурой подросток немало – стал выше на восемь двадцать, и потому взглядом своим отныне мог прожигать пространство не только перед собой, охватывая окрестность Детского Мира и Комитета Народной Безопасности, но и ещё дальше, глубже и пронзительней – до самого гранитного Карла и квадриги на портике Большого Театра. С квадриги, кстати, в связи с неоднократными обращениями оскорблённых граждан, изъяли не только мужской Аполлонов инструмент, но и избыточные конские причиндалы того же сомнительного содержания.

Затем я двинулся наверх, от бывшего Китай-города, а ныне площади товарища Ногина, к Богдану Хмельницкому, тоже герою, русичу, защитнику славян от иноземцев, включая эту бандеровскую сволоту, и прочих ненавистников Великой Руси, крещёной великим Володимиром Красно Солнышко ещё хрен знает в какие доисторические кремнекаменные времена. Осколки же, недобитки с Окраины, не пожелавшие обратного единения, рано или поздно одумаются. А нет, так будет, кому их одумать, и нет в том сомнений. Так сказал Кирилл Первый, наш Верховный Правитель.

Ну и дальше – вниз, к Земляному Валу, по вымершей Чернышевского, бывшей Покровке, – под тусклый фонарный свет, слабой желтизной проливающийся на щербатый, издавленный тольяттинским ободом асфальт. После – Басманная, ставшая улицей Дня Октябрьского Освобождения. Помню, в телевизоре, в новостях, в ходе заседания ВСНД, встал один, от партии, кажется, «Крыша родины» и заявил, что, как ему видится, словцо это больше ассоциируется с басмачеством, каковому голову оторвали ещё в героическую гражданку. А вот день освобождения Родины от либерально-демократических оков до сих пор не пристроен,

потому что им не именована никакая столичная улица, площадь или даже любой захудалый проулок. И это преступное упущение следует незамедлительно исправить, для чего дать срочное поручение московскому градоначальству назвать глупую улицу кем надо и как. А также исправить таблички, адреса и прочие географические и политические привязки.

Пошёл мокрый снег. Стало зябко снаружи и особенно изнутри. К тому же неприятно заняло в пищеводе или это скорее выло где-то неподалёку – вероятно, в том месте, куда меня ткнул свинцовым кулаком чёрт Представитель. Надо сказать, большого зла я к нему не испытывал, понимая, что он всего лишь делает свою работу, коли поставлен на это изначально недоброе место. Да и причина, если уж на то пошло, более чем уважительная.

Просто я – похож. И я это знаю. А теперь это знают и *они*. В первый раз это выяснилось в пионерлагере, нам тогда ещё понадобились тонкие свечки, чтобы устроить в палате «тёмную». Меня загодя предупредил об этом мой летний друг, Кирка, Кирилл Капутин, с которым мы хорошо сошлись в наш первый лагерный год. Сказал, вот увидишь, нас с тобой мутузили не сильно, потому что было темно, и они плохо попадали. А мы с тобой свечечки запалим, и будет нам видней, куда кого ответно ударять. Вернёмся с набитыми костяшками – зуб даю, так что прихвати, не поленись. Нас ведь и били-то обоих потому, что, хотя вчистую виноват был только Кирилка, я шёл при нём паровозиком, как друг. Ну и за то ещё, что похож лицом. Да и всем остальным мы с ним почти совпадали, коль уж на то пошло, – и как нам после такого да не задружиться, братцы? За то и пострадали в первый раз. Но в этот заезд мы с Киркой всё сделали правильно, по уму, как сами же заранее и прикидывали. Света от тонюсенькой елоховской свечки, заранее прилаженной на расплавленный в чашке воск, как-раз хватало, чтобы точно рассчитать движения: сперва накинуть на прошлогоднего обидчика второе одеяло, прижав его поверху сгибом локтя и придавив в нижней части коленкой к матрасу, и только потом привести в исполнение приговор, дожидавшийся исполнения целый долгий год.

Всё делали тихо, расчётливо, не расходуя себя на лишние движения и стараясь не привлечь внимания очевидцев. Тому способствовала и свечурка, испускавшая настолько малый свет, что силы его хватало лишь для производства суда, но при этом далеко не всякому открывались подробности нашего пацанского сговора. О возможных очевидцах, кому в ту ночь спалось не очень, наутро позаботился Кирка. Переговорил со строгим лицом, но так, чтобы поверили, что станут следующими, если болтанут лишнего. Для верности пнул одного, в ком сомневался, коленкой в пах. Тот согнулся и быстро-быстро закивал, давая понять, что лично он – могила, и без всякого там дополнительно вечного огня. Основного бил, кстати, тоже он, Кирилл. Сам я просто помогал, придерживал извивающегося врага, стараясь заткнуть ему рот куском одеяла, как средства против испускания лишних звуков. Он закончил, затем, прихватив за шиворот, подтянул побитого недруга ближе к себе и отчётливо так произнёс, с расстановкой, ну совершенно по-взрослому:

– Теперь тебе гитлеркапут, парень, понял? А вякнешь, крикнешь, стукнешь куда не надо и кому, так знай – найдём и покараем, больно, жёстко и без малой поблажки. Я тебя бил, но я же тебя и не прощаю пока, потому что ещё не решил, помилую тебя или вообще не извиню.

Не знаю, как и что с тем пацаном, я даже имени его не запомнил, но Кирка в тот день меня ужасно поразил. Вроде бы, свой, близкий, часто весёлый бывал до совместных коллик в обоих животах; а как бы и не совсем: чужеватый вдруг какой-то делался, странный, вспльчивый не по делу. В общем, не брат, хоть мы с ним и похожи до совершенной удивительности.

В городе мы не встречались, ждали другого лета.

Так и не дождались. Но иногда переэзванивались. Ехать же друг к другу было далеко: я жил у себя на Бауманской, он же с родительницей обитал где-то на окраине города, в рабочем то ли посёлке, то ли в ближайшей к городу промзоне. Мать там, кажется, у него крановщицей работала, а отца, по-моему, вообще не было никакого и никогда, даже отчима. Я – внук знаменитого на весь научный сопромат профессора Дворкина, он – никто и, по большому счёту,

ничей, к тому же неизвестно как пробравшийся в конаковский пионерлагерь Академии наук, расположенный на живописном волжском берегу. Однако считал себя равным во всём и со всеми. Кроме одного – умел пуще прочих разговаривать и пугать. Тут ему равных не было, и он про это своё качество знал, как никто, сам про себя. А ещё он раньше срока взросления понял нечто такое, о чём я мог лишь догадываться, потому что ровно на этом месте заканчивалось наше с ним любое общее, с какой стороны ни возьми и как ни потрогай.

Так и уехали мы в тот год с Волги до срока: я – Гарькой-грузинцОм, он – Киркой-Гитлеркапутиным, получив это почётное звание за особые заслуги в побивании не камнями, но жёстко насаженными на жилистые руки кулаками под тихий свет пламени свечного фитилька.

Потом, в 87-м, кажется, Кирилл двинул куда-то то ли в юристы, то ли в спортсмены. Помню, много ещё рассуждал про разведчиков, так и сяк прикидывал. Говорил, самое оно, дело верное и за родину. Только не возьмут, наверно, мордой не стожусь: им невидные нужны, чтоб в толпе затереться, если что. А я вон какой приметный, с лицом и повадками зверя. И ржал.

В ту пору так и не узнал я, куда он конкретно прибил, к чему. Кирка вообще с самого начала нашей дружбы имел структуру довольно грубую, не до конца понятную, и думаю, даже самое странное его решение меня бы не удивило. Но и вряд ли отвергло бы – даже если он и на самом деле в какой-нибудь КГБ угодил по недоразумению.

Так или иначе, но в наших отношениях возникла пауза, временная и вполне объяснимая. Тем более что и сам я в это время, став студентом, будущим актёром театра и кино, уже, считай, летал в иных мирах, в неведомых ранее эмпириях, уплывая в моря далёкие, океаны глубокие. Тогда я не знал ещё, что не выплыву, что, поскользнувшись в первой же луже, так до правильных глубин и не доберусь, а буду лишь скрести ладонями по мелкому дну, мешая себе стёртыми в кровь коленками и вечно думая о нехватке в моём организме левой почки. Другая, правая, пока что качала и очищала то, что чистить надлежит. Однако вердикт был малоутешительный – это вопрос времени и возможностей: как организма, так и личных. Ну вы же понимаете, при одной здоровой почке запас прочности – вполовину от нужного. А уж при одной дурной – что тут вообще говорить.

Снег закончился так же внезапно, как и начался, но только не унёс с собой боли в груди. Я повернул налево и, едва волоча ноги, двинул по Спартаковской в сторону Нижней Красносельской. Успел подумать, одолевая последний, самый тяжёлый отрезок пути, что Спартак, скорее всего – «ихний», то есть «наш», в том смысле, что «свой», признанно авторитетный, поскольку освободитель и борец. Как, наверно, и Нижняя Красносельская – в названии этом явно поселены красные, приятные власти нотки. Да и «село» уже само по себе ароматит, сигналя всякому классово близким смыслом, и потому с моей родной улицей им придётся, видно, погодить, дав мне ещё пошагать по ней неперелицованной до тех пор, пока очередной героический назначенец не восполнит пустозвонким именем нехватку топонимики в когда-то любимом мною городе. Или если не вернут того-другого урода из списка прежних властительных именитостей.

Дома оказалось так же тоскливо, как и в сугробе, где я ухитрился побывать дважды за один вечер, каждый раз утыкаясь обнажённой головой в рыхлую снежную корку. Первый раз это имело место по собственной воле, а точнее, в силу моего же полного безволия, к которому я вплотную приблизился к своим тридцати трём христовым оборотам. Второй раз – в принудительном порядке, и это было обидно, хотя и терпимо. Но и уехать нельзя, Капутин перекрыл свободные выходы, подправив конституцию, – точно также, как и ввёл выездную визу и ограничил входы, заведя систему въезда в страну на строго персональное рассмотрение. Типа наказал граждан родиной. Мы-то думали, идиоты, что власть, какая ни приди, поднаторела в делах людских, нюхнула собственного порошу, и если не полная дура, то научилась мало-мальски опасаться площадных волнений, живого слова, критического отзвука мирового сообщества и

всякое такое. В общем, вот вам бог, а вот парадное выходное отверстие – валите, мол, куда и как сумеете, берите воли сколько переварите, но только вне пределов: буяньте «за», ревите «против», меняйте империю с хлебом и квасом на такую же, но только с соевой колбасой и зловонной пепси из пожарного гидранта – переживём и отряхнёмся!

Ан нет, выкуси – «этот» порешил иначе, мой пионерский друг. Умён. Понял, что неволя мучительна, и ничто так не управляет душой человека, как поиск выхода. А там, где выход, уже уготовлен тупик, как и раньше, но по новому закону. На то воля *его* Госсовета, какой сам же и назначал. Мучайтесь, злитесь, негодуйте. И остывайте постепенно, братья унд сёстры, пересаживайтесь на родимые ВАЗы, влезайте в отечественный драп, выращивайте злой лучок, пишите стихи про родину, тащите шифер со складов, поленья с лесов, гвозди и колбасу – с местных производств, образовывайте деток в родных институтах и восстановленных ПТУ. Ничего, проживём. Вы же злобствуйте, господа, – глядишь, в ней же сами и утонете, в злобной жиже дурных заблуждений. Деспот и тиран чем отличаются от жёсткого лидера нации? А тем, что помимо пользы получают ещё и попутное удовольствие от мучений собственных подданных. А лидер – что? Лидер, как правило, мучается сам, хотя вред от него такой же настоящий, живой и не придуманный.

Ну а тогда, в счастливом промежутке между путчем 91-го и днём моего изгнания из Гитиса, незадолго до отбытия в Новозыбков в электротехническую роту электризуемых заграждений, где меня и отмудохали до потери левой почки, мы сидели с друзьями в одном из первых кооперативных ресторанов «Сергей», что размещался в роскошно обставленном подвале на Камергерском, ныне – переулке Демьяна Бедного. Выпивали и не верили себе.

– Смотрите, друзья, – говорил я товарищам моим, подкладывая и подливая, – раньше в этот подвал свозили покалеченную тару со всего центра, сам видал. Потом завозили доски, её же починять. Но всякий раз спустя полгода-год то и другое, окончательно догнившее и никому не нужное, вывозили прочь. И всё это для того, чтобы через какое-то время вновь наполнить подвал хламом и отбросом жизни. И снова вывезти, и бросить. В лучшем случае сжечь. И так годами, повсеместно и неустанно. И все были довольны, заметьте. А теперь тут «Сергей». И все мы. И сейчас нам принесут грибной суп и, заметьте, не из сыроежек, и сметана будет неразбавленной, это точно.

– И чего? – равнодушно пожал плечами кто-то из своих, друг друзей. Кажется, Хорьков. И вроде, Владик. – Те ведь были довольны, которые свозили-вывозили, к тому же при зарплате. Но и эти, – он обвёл рукой зал, – то есть мы с вами, тоже ведь вполне удовлетворены, правда? Хотя, если посчитать, суп-то золотой окажется, в прямом смысле. Но мы-то с вами не рабы, рабы-то не мы. Мы же не станем мастерить калькуляций, мы выше мелочей, потому что впереди маячит будущее, и мы не хотим знать, как станем с ним бороться.

– В смысле? – не понял я. – Считаешь, нет особой разницы?

– Считаю, толку не будет, – пожал плечами друг моих друзей Хорьков. – На самом деле разницы, в общем, никакой, если говорить о массах, о народе, о толпе. Счастье народа – понятие очень и очень относительное. А вот конкретная удача и процветание каждого – вещь поинтересней, если не возражаете, но тут работают совсем иные законы, порой вовсе не связанные с общим благом. Я, братцы, мои, кто не в курсе, в спецорганах какое-то время послужил. Очень скажу я вам, отрезвляет, хотя я там и не совсем прямым делом занимался. Но даже в этом случае считаешь окружающий мир с таких любопытных ракурсов, что мало не покажется.

– Когда же ты успел? – удивился я. – Тебе лет-то сколько?

Мы уже прилично набрались, но плюнули, раз такое дело, и налили ещё, под интересный разговор.

– Ну постарше, постарше... – добродушно признал Хорьков, – потому, наверно, и возникаю.

– А сейчас чего делаешь? – поинтересовался я, – как ловишь счастье своё, через что?

– Ну пока в рекла-а-а-а... – задумчиво протянул Хорьков, – возглавляю Агентство рыночных коммуникаций. Кадры ещё люблю. Как принцип. И как оружие. А ещё как способ и, главное, как основная задача. – Он махнул свою рюмку, но лишь наполовину. Поставил, задумчиво покачал головой, таинственно вздохнул. – Ну а через какое-то время, думаю, создам Объединение рыночно-кредитных организаций. Или что-то в этом роде – как-то так или около. Хотя – повторюсь – лучше б всего этого не было, пацаны, богом клянусь, как поэт, честное слово. Мы же немного не так слышим, верите? – Теперь мне уже казалось, что всё это время, проведённое с нами в подвале, он прислушивался: не слишком заметно, но прицельно, рассчитывая выловить нечто своё, едва уловимое. Хорьков же лишь обречённо махнул рукой и медленно выцедил отставленное. И пояснил: – А перевернуть мир обратно, вернуть его к естественному истоку – лишь выиграем все, но только никто этого не понимает, ну просто совсем, ну вообще никак.

– Так ты что, и стихи пишешь? – пьяно изумился я, втайне надеясь, что рифмуется он лишь проходное говно, и скорей всего полное.

– Я поэт, Гарик, – подтвердил Хорьков, – и потому, разумеется, пишу. И песни заодно. Только не печатаю, отвлекает от задачи. И не исполняю. Потому что постоянно взвешиваю, считаю, обнуляю. А потом заново калькулирую, а по результату отбираю. И решаю, как с этим быть. Так устроен успех, понимаешь? И любое искусство в нём на предпоследнем месте. Кроме искусства расставлять фигуры, используя нечётко прописанные законы.

– И кто же на последнем? – нетрезво воткнулся в разговор кто-то из наших. И громко икнул.

– На последнем – ваши иллюзии, – объяснил Хорьков и трезвым взором глянул на часы, – И наши общие заблуждения. Или, может, только ваши. Мои – несколько иного свойства, не связанные с привычным образом морали. И это не саморазоблачение, братцы, это всего лишь иная философия жизни. Жизни и судьбы, как у Гроссмана, но без крови и без войны.

– А почитать можешь? – я уже не мог успокоиться, потому что что-то было не так, как я ждал, как должно быть по совести, по логике. По уму. Что-то не сходилось, разламывалось, не собиралось в удобопонятную картину обновлённой жизни с прицелом на необратимое счастье. Потому что один мой друг привёл другого, Хорькова, и тот всё поломал парой мимоходом брошенных фраз, упавших на незанятое место, то самое, где не хватало почки. На пустующую полость внутри прочей моей пустоты.

Хорёк встал, помолчал. Начал сдержанно, но ближе к середине не выдержал, ушёл в распев, заметно посветлев лицом. Включился, заработал внутренний механизм, теперь уже неостановимый, и в эту секунду меня посетила смутная догадка, что этот человек лукавит. Если даже просто не откровенно врёт, всё про всё, используя добрые русские слова и манипулируя сознанием доверчивого, расположенного к нему слушателя. Например, меня. Да и остальных, таких же как я, не сильно вовлечённых в лукавые игры с совестью.

А стихи эти, какими Хорь одарил пьяную компанию нормальных мужиков, просто убили, насмерть. В этом и состояла, как я догадался уже потом, великая ложь – та самая, что чаще не выглядит обманом. Хочешь контролировать людей – лги им. Лги беззаветно, лги как можно больше, лги со вкусом. И лучше, если ложь будет мутной и сладкой ушам твоим, милой сердцу, спасительной душе, потому что жизнь как текла, так и течёт, размывая следы, но только эта ложь, придуманная во спасенье, вновь наделает их, натопчет для тебя новых, глубоких, как шахта с неразведанным горизонтом, высоких, как извечно безоблачный космос. Я ведь чую её, хоть по-актёрски и бездарен, настоящую поэзию, ту самую, за какую, если что, можно и туда, где ни дна у ямы, ни крышки у неба.

Время бездарное, тлен и рассадники,
Только не пой, только не пой,

В двери стучат, это вражьи посланники,
Видно, за мной, видно, за мной.
Всё, не успел, но не стоит задумчиво
Ладить петлю, ладить петлю,
Выйду и путь освещу себе лучиком,
Свет намолю, свет намолю,
Пусть они злятся, пугают, хохочут,
Точат свой нож, точат свой нож,
Я оторвусь, я найду этой ночью
Правду и ложь, правду и ложь.
Буду бежать, без оглядки, без роздыха,
Лишь бы успеть, лишь бы успеть,
Только хватило бы силы и воздуха
Хоть бы на треть, хоть бы на треть.
В прошлом останутся грех и сомнения,
Дом и друзья, дом и друзья,
В небе увидишь ты след от парения,
Это был я, это был я...

Из дневника Киры Капутина, ученика средней школы Рабочего Посёлка.

Сегодня мама сказала, что она мне плохая мать, но зато хороший отец. А я это уже знал. Она там у себя на высоте, а только мне за неё не страшно, потому что говорит, это привычка. Я один раз пробрался на материну стройку, дождался пока все уйдут, и залез на её кран, до самой кабины дошагал, а внутрь зайти не сумел, заперто было. И только тогда я первый раз посмотрел вниз, уже с высоты. И понял, что мне тоже не страшно,нисколько. Но когда засобирался обратно к земле, руки поначалу не разжались, они были белые, как у мертвяка, и будто прилипли к железным поручням. То есть самого страха вроде и не было, если снаружи, но внутри он всё равно имелся, тайный ото всех, никак не связанный с глазами и с головой. Я потом понял почему – он у меня хоронился где-то в животе, в глубине, куда самому никак не добраться, чтобы одолеть его или чуток поубавить. Я, когда на твёрдый грунт спрыгнул, то меня отпустило, но пронесло прямо там, у первой ступеньки, ведущей на мамину верхотуру, – едва успел штаны сдёрнуть и присесть на раскиданную у рельсов щебёнку. И никакой бумаги, даже обрывка. Я тогда, помню, песочком – сгрёб ладошкой какой помельче и осторожно потёр им в заднице. До сих пор не забыл это ощущение: то ли было в этой придумке моё временное спасение, то ли опозорился перед самим же собой и перед мамой, которая мне отец и мать одновременно. Она, помню, когда я закончил первый класс, сказала, что никогда не врёт, потому что другим безотцовым мальчикам матери говорят, что папа был лётчик, но разбился. Или же утонул в подводной лодке в штормовую непогоду. А какая под водой непогода, сами подумайте! Моя же мама играть со мной не стала – просто сказала, что отца у меня не было, никогда, никакого, вообще. Так получилось. Что родила меня сама, без никого – выносила и выкормила, и так тоже бывает, когда женщина хочет мальчика. А если девочку, то без отца уже не получится, она просто не родится вообще, а если и случится, то помрёт ещё в материнском животе.

Она врала мне, конечно, моя мама, иначе как это у «них получилось»? У кого, у них? Меж кем и кем?

Из дневника Киры Капутина, ученика средней школы. Продолжение.

Мы с мамой снова живём скромно. Едим в основном щи и блины. Иногда котлеты с жильного мяса, хлебного мякиша и, если есть, из несортных кабачков. А по праздникам и выходным мама печёт пирожки с рисом и капустой, но не как на улице, пережаренные, а настоящие, из духовки, с корочкой, высокие, на пышных дрожжах. Вчера, когда уезжал на тренировку по самбо, мама сунула мне три штуки с собой, потому что далеко ехать в спортзал от нашего Рабочего посёлка до другой окраины. Два я съел по дороге, а третьим угостил тренера по самбо, Старцева Дмитрия Ивановича. Все зовут его почему-то Ионычем, а почему не знаю. Он хороший человек и хорошо показывает борьбу на защиту и атаку. После тренировки подошёл ко мне, в глаза заглянул, потрепал за ухо, не сильно, а больше так, по-отцовски, и спросил, знаю ли я, что сегодня умер генеральный секретарь нашей партии. Я не знал, потому что, когда тот умирал, я ещё, наверно, ехал в электричке на борьбу. И дал ему пирожок, уже в раздевалке. Сказал, мама спекла специально для него, на пробу. Соврал от растерянности, из-за того, наверно, что умер главный в стране начальник и полководец. А занятия в тот день отменили сразу после нас. Дзюдоисты как пришли, так и ушли пустые, без тренировки. А их тренер поначалу уходить не желал, стал отмахиваться и орать, что это тут ни при чём, что все его ребята собрались и уже переоделись, и что на носу городские соревнования, и что это просто тренировка, а не поминки какие-то. Тогда Ионыч, в чём был, подошёл к нему, улыбнулся, мягко так, по-тигриному, подсел под него, дзюдоиста, и разом опрокинул на ковёр. И так ловко прижал все его члены, что тот уже ни продохнуть, ни дёрнуться не смог. Только ногой слабо шевелил и глазами, прося пощады. Тогда Ионыч отпустил его, помиловал и, приобняв меня за плечи, повёл из зала. А пока шли, объяснил, что никакое японское никогда не сравнится с нашим, родным, отечественным – будь то борьба, а хоть и совесть, или даже самая последняя честь. У них, сказал, только машины лучше и прокладки для кранов. И девки распущенней и косоглазей. Остальное – обман.

После капустного пирожка и мёртвого генсека мы с Ионычем подружились, можно сказать, насмерть. В смысле, не он задружился со мной, а больше сам я его сильно заужавал, несмотря что мама всегда была против любой драки и борьбы, хоть нападать, а хоть бы и защищаться.

Из дневника Киры Капутина, ученика и спортсмена.

Сегодня наш день. Нет, ночь, ясное дело. Не знаю, как Гарька, но я к этому готов, точно знаю. Вообще, по правде говоря, он размазня, Дворкин. Странно даже, что мы с ним так мордами похожи. Я в зале у Ионыча, можно сказать, не продыхаю – броски там, понимаешь, общая подготовка, качка мышц, мостик, перевороты, захваты, всё такое. А этот, дедушкин внук по еврейской научной линии ни хрена, смотрю, не делает с собой, не говоря уже, что и сам дух не поставлен как надо. Но фигурой не сильно при этом отличается – почти такой же, как я. Трицепс даже чуть интересней моего, если смерить. Мама бы увидела, охнула б наверняка. Тем более что там тоже отца нет. Да и матери. Дед у них только, знаменитый этот профессор, и, кажется, мачеха, но не Гарькина, а старого Моисея. Всё вот думаю, а чего он такой русский, Гарик-то, причём больше в светлое уходит, без малого намёка на любую темноту, если они из евреев. Путаница получается, неясность, неопределённость человека как такового. А на выходе – чистый обман, подмена ожиданий и понятий всего обо всём. Про это Ионыч любит погугарить, хлебом не корми. Про понятия, про то как следует жить, вообще, в принципе, от чего отталкиваться, на чём настаивать. Я ведь только в мае узнал, что он вышел незадолго перед пирожком с капустой. А до этого 5 лет чалился, говорят, за изнасилование. А ещё до того, ну если совсем уж давно брать, то червонец тянул, за вооружённый грабёж среди бела дня в составе группы лиц. Не знаю, как там было и чего, но только он мне всё равно нравится, как

никто. Как отец, наверно, если б такой имелся. Или даже как учитель, но не школьный, а по жизни, по судьбе, что намного больше любого учебного предмета, как его ни учи.

Короче, пришли мы с Гарькой к ним в палату, свечь запалили. Кругом ночь, страшная и тихая. Но только не для меня. Выискали нашего, который у них за главного. Гарька за освещение отвечал и слегка придерживал уroda. Но, вижу, без особого желания, без нужной делу ненависти, просто из дружеского чувства. Ну а я сначала рубанул ему в подбородок, спящему, чтобы надёжней вышло со всем остальным. Ну а дальше уже, как Ионыч учил до и после тренировок: вынул нож, кулак, прут – неважно – бей! Умеешь – не умеешь, стой на своём, волком, волком стань: впереди – всё: степь, жратва, воля, стая. Позади – ничего, пусто, выжженный ковыль, иссохший водопой. А если что, пей кровь, по крайней мере, не сдохнешь, продержишься, выдюжишь. И глаз не отводи по-любому: смотри прямо, без улыбки, ресницей не дёргай – это всегда заметно, кто видит...

Кстати, это ведь он отправил меня на Волгу, в этот самый лагерь для отпрысков всяких академиков и доцентов. Как-чего, не знаю, а только матери в барак наш позвонили, и в трубку коротко сообщили, куда и когда. И как фамилия. Всё.

А с Гарькой мы сфоткались перед отъездом. Не знаю, что там на будущий год, выйдет нам снова сюда или как. Так что я на всякий случай новенький ФЭД у одного доцентского писюна отжал. И опять же на всякий случай не вернул. На него мы с Гарькой и щёлкали.

2.

Они пришли ранним утром, около шести, когда ещё толком не рассвело. Сначала внизу грохнули дверцей Уазика, чадающего слабо-фиолетовым. Движок не заглушали, и потому дым из выхлопной трубы, в считанные секунды просочившись через оконные щели, распространился по всему жилью. Газ был не просто вонючим – от него несло крематорием, работающим из-за нехватки природного газа на топочном мазуте.

Затем лязгнули железной защёлкой подъездного лифта, всё ещё живого, но уже рассыпающегося на глазах. Потом колотили в дверь каблуками, потому что последние восемь лет звонок не работал из-за окончательно запавшей кнопки. Ещё немного, и вынесли бы дверь, сбив её с петель. Могли бы, впрочем, связаться по телефону, если б номер не был отключён за неуплату. Именно так или вроде того жил я последние одиннадцать лет, начиная с конца 93-го, когда победивший Верховный Совет на своём первом съезде учредил Верховный Совет Народной Думы – ВСНД. Потом они долго меня не замечали, им было не до таких как я. Шла борьба за власть, её новый виток – между коммунистами, с одной стороны, и освобождёнными Галкиным узниками Белого Дома, с другой, где каждый чудил со своим партийным интересом. Генерал, в одночасье сделавшийся маршалом и министром, метался между теми и другими, пытаясь нащупать верное решение. Однако народ, оголодавший, уставший от беспредела обещаний власти и воя банковских зазывал, больше склонялся к коммунистам. И, не любя тех и других, проголосовал бы, наверное, за их ленинскую партию. Если бы в те самые дни не объявился временный Глава святой Руси.

А потом... Только потом всё началось.

В такое время зимних суток сонное марево в голове человека соперничает с мутью, растворённой в самой природе. Особенно в наших подлых средних широтах, где ни один из нас, прикормленных извечным равновесием света и тьмы, не станет просыпаться лишь для того, чтобы жить дальше. Слишком ничтожна цена подобного отвратительного пробуждения. А уж будучи наложенной на общую неприглядную картину местного мира, пробуждение однопочечного неудачника всякий раз рискует стать последним в череде его физических страданий. Надо сказать, к этому времени мой гломерулонефрит, со всеми его утренними отёками, внезапными болями, надоедными рвотами и непроходящей гипертонией, вынудил меня перестать ценить жизнь, как даденое некогда чудо. Почечная недостаточность уже который год стояла

на пороге в ожидании гемодиализа, и тот факт, что звонок не работал, вовсе не означал, что хода ей сюда нет.

Униженный, вымотанный избиением, а главное, нетрезвым путешествием от Второго Верхнего Духоподъёмного до Нижней Красносельской, я всё ещё валялся, нтак и е раздевшись, в полукоматозном состоянии в гостиной, бывшей когда-то дедовой спальней. От старой жизни осталась лишь его кровать, которую я перетащил к покойной Анне Аркадьевне прежде, чем занять её опочивальню насовсем. Ну и по мелочи. Зато рожа моя опухла не только от выпитого вчера в компании малоизвестных личностей, но и по всё той же самой почечной причине. Они, когда я дополз-таки до входной двери и открыл им, искренне удивились этой моей утренней и вечерней непохожести.

– Это вы или не вы? – подозрительно окинув меня снизу доверху прищуренным взглядом, поинтересовался тот из вчерашних, какой повыше.

– Товарищ Грузинов? – уточнил второй, что пониже. – Мы правильно попали, в адрес?

– В адрес, в адрес, – пробормотал я, проморгавшись и признав своих вчерашних измывателей, – а что такое, товарищи, паспорт вернуть забыли или что? Мне за квартиру жировка придёт, а без паспорта оплату не примут, вы же знаете.

Я нагло врал: денег на оплату жилья не было по-любому, последние рубли уплыли вчерашним днём на вечерний променад, где я оказался от отчаяния, боли и скуки. Правда, не очень помню, почему они обнаружили меня именно в том месте, где сунули мордой в снег, – сначала те, с кем пил, а потом уже эти двое, что забрали паспорт.

– Нет, серьёзно, – низкий открыл документ и сверил образ и факт. Образ имелся, но факт соответствовал не слишком.

– Высокий хмыкнул, тоже взглянув туда и сюда, и недоуменно пожал плечами:

– На хера он им сдался, не пойму, ни кожи, ни рожи, одна сплошная одутловатость и ни грамма нормальной похожести. Может, пусть себе квасит дальше? – он вопросительно взглянул на низкого в барашковом пирожке. Сам был в ондатре с низким бортом, явно не первого года носки, но всё же. И эта несущественная, казалось бы, разница в экипировке не ускользнула от внимания одутловатого хозяина квартиры. То есть меня. Шапка, подумал я, как минимум, – одна ступень звания. Просто так двоих не пошлют, если им не надо. Стало быть, или расстрел, или зона. Только за что? Может, наговорил лишнего в сугроб? А они шли мимо и записали? Одним словом, теперь надо было действовать на опережение, иначе можно и загреметь не за что.

– Вообще-то, товарищи, вчера я имел в виду совершенно другое, нежели вам услышалось... – робко начал я, – вы поймите, одно ведь вовсе не проистекает из другого, как вы ошибочно могли подумать насчёт моего высказывания.

– В смысле? – насторожился барашковый, – Что имел? Кого имел? Куда проистекает?

– Нет, никого я как раз и не имел, – я вновь попытался отбиться от наседающих службистов охраны, – как гражданин ВРИ, я просто хочу, чтобы меня правильно поняли... – Вариантов было даже не несколько – всего два. Или даже один – убедить этих двоих в ошибке их собственных ушей в случае, если слушали, но не записали на плёнку. Тогда – их слово против моего. Если же записали и пришли конкретно за мной, то... Но тогда о каком сходстве речь? С кем – с вором в законе? С пиндосским нелегалом? С Папой Римским? При чём тут это вообще?

– Так... – мотнул головой барашек, – давайте будем уже определяться по вам, Грузинов, а то мы всё вокруг да около, понимаешь, а результат вообще не маячит. Лучше скажите, сколько вас в этом помещении проживает, чисто по факту. И каково общее число официально прописанных, если имеются.

– Так один и проживаю, – я чуть вздрогнул, чувствуя, как постепенно с лица моего спадает утренний почечный отёк и как медленно освобождаются глаза от поджимающих их снизу и сверху припухлостей. Вдогонку к разлепившимся векам прилетела мысль, что всё, может, и

закончится не самым худшим образом – глядишь, всего лишь лишат прописки и столичного жилья. Без более серьёзных вариантов гражданского поражения в действиях и правах.

Надо сказать, поражённых хватало и без меня. К миллениуму одна лишь Западная Сибирь приросла десятком-другим миллионов высланных с основных мест проживания, да и Восточная мало в чём ей уступала. Особенно когда объявили ВБАМ. Возрождённую магистраль прежней выделки, заброшенную и забытую, решено было восстанавливать всем миром, чтобы подкачивать всенародный залежный ресурс ближе к Главным Центрам Народного Потребления – ГЦНП. Кроме Москвы и Ленинграда таких центров теперь образовалось два: в районе Калининграда, всё ещё несправедливо отделённого от Большой Земли, и в Светло-русской губернии, неподалёку от границы с Литувой, но и так, чтобы поближе к вражеской Польше и непреклонной Окраине. Так уж неудачно вышло, что в своё время Прибалтийская зона обрела преступную независимость, но на деле она же со всеми потрохами отошла во владение наших западных партнёров. Там мы и поставили по реактору, по заводу переработки ядерных отходов и заодно, до кучи, разместили боеголовки на подходящих ядерных носителях – для отражения и контроля за врагом со стороны всё тех же западных коллег. Правда, говорят, пустые. По остальным направлениям главного будущего удара, а именно – Китай, Япония, Ближний Восток – опасность была меньшей, особенно по китайскому направлению. В основном из-за того, что руководство строительством ВБАМа как раз осуществлялось при помощи этого соседнего дружески настроенного государства. Однако сразу после прихода к власти Верховного Правителя Капутина внешняя политика ВРИ заметно изменилась в сторону отрицания основ взаимодействия. (Доктрина ООВ). Там, где дружили, стали осторожничать. А где ненавидели – продолжали ненавидеть, но уже с особой новой силой, подкреплённой напоминаниями о ядерном потенциале. Такая уж доктрина, ничего не поделаешь.

– Один, значит? – Ондатровый потёр переносицу и заметно оживился, – это хорошо, что один. И что ты... – он тут же поправился, – что вы... такой, ну... в этом немного, как бы сказать... одичавшем состоянии.

– Слушайте, а вы зачем пришли, я не понял? – спросил я вдруг неожиданно для себя. Слова выскочили бесконтрольно, я их не хотел.

– Вы лучше собирайтесь, товарищ, а мы тут пока немного осмотримся, – вместо ответа произнёс барашковый. – Кстати, есть что-нибудь вроде домашнего фотоальбома или, может, в компьютере вашем насчёт вас же самих? Переписка с друзьями-знакомыми, фото разные, старые, новые, всякие. Видео, может, заодно?

– Так всё же обыск? – враз погрузился я. – И ордер принесли? Или так будете, без него?

– Да нет, – отмахнулся ондатра, – это мы для порядка. Всё уже решено и так.

– Служба, – добавил барашек, – сами понимаете: раз есть приказ, надо выполнять, а как иначе? Кстати, разрешение на внутрисеть имеем? Хотелось бы взглянуть. А то сами ж знаете, нарушений море, не успеваем фиксировать. А так, заодно с делом уточним, чтоб дополнительная ясность по вам была. По вас. Нет, по вам.

Оба, скинув одинаковые пальто, не сняли шапок, предпочитая не обнажать головы перед чёрт знает кем. Да и меж собой так понятней – субординация и контроль.

– Оно у меня ещё в позапрошлый год закончилось, – сконфузился я, – а больше не подавал, я же, по сути, безработный, всё равно откажут. Здоровье лечу, группу инвалидности имею. Почечные дела, знаете ли, – в армии отбили одну, а потом удалили, ещё до ВРИ. А другая не справляется, хандрит. Так и живу без ничего, на одной паршивой.

– Ну до ВРИ что было, то смыло, – хмыкнул барашек, перебирая старые фотографии, – не только вы один от тех злодеев пострадали. До ВРИ вон каждый со своим персональным телефоном в кармане ходил и названивал куда хочу да кому хочу. Это вам почище почки будет, разве не так? – В этот момент он всматривался в крупный план Моисея Наумовича, в гимнастёрке, улыбающегося возле самоходной гаубицы. Затем покрутил в руках учебник по сопро-

мату с небольшим дедушкиным портретом на задней обложке, после чего перевёл взгляд на меня.

– Деда?

Я кивнул:

– Умер в 94-м.

Он отложил Моисея Дворкина и взялся за Анну Аркадьевну времён тылового Свердловска.

– Кто? Где?

– В 93-м, – ответил я, – онкология.

– Ясенько... – пробормотал каракулевый и принялся копать дальше.

– Если вы родню ищите, то не тратьте время, – подсказал я, обращаясь к обоим, – никого нет, все умерли. Была ещё бабка и прабабка. Но те ушли ещё раньше.

– Жена? – неопределённо кивнул ондатровый, – Есть? Была? Намечается? Или подруга, может, из случайных? Ну или просто что-то более-менее постоянное из женского.

– И дети, ежели чего, – вспомнил вдруг каракуль, хлопнув ладонью по лбу, – внебрачные там, приёмные, любые остальные. Какие старше 3-х лет – сюда их, в опись.

– Из постоянного – предострый гломерулонефрит правой почки, – чётко и уже с лёгкой веселинкой в глазах отрапортовал я, поскольку это было печальной, но разящей правдой. А ещё понял вдруг, что – не зэк, не лишенец и не поражённый. Однако имелось что-то ещё, о чём, несомненно, были в курсе оба охранных сыскаря, но сам я не имел ни малейшего представления. – Остальное всё временное, – закончил я фразу, – да и то в прошлом.

– Ладно, будем считать, закончили? – на всякий случай финально заглянув под кровать, обратился каракуль к ондатровому. – Будем выдвигаться?

– Из вещей только паспорт, – согласился с ним высокий, одновременно обращаясь ко мне. – Но он и так у нас. Так что просто одевайтесь и поехали.

– Вот так, не евши? – робко закинул я, – я ещё даже лекарства не успел принять.

– Не беспокойтесь, – отмахнулся барашек, – там вас накормят и снабдят чем положено. У нас по этой части без перебоев. Если вы им надо, то и беспокоиться не об чем. А если не надо, вернём: хоть сюда, хоть обратно в сугроб, как сами захотите.

Мы вышли из подъезда, я взглянул на часы – половина восьмого. Вслед за нами вышла тётка с шестого этажа, в новеньком ватнике и наброшенной на плечи шали. Глянув на нашу троицу, резко перекинула шаль на голову, максимально прикрыв лицо, и скорым шагом пошла прочь. Мы выехали через арку на улицу и повернули в сторону центра.

Это зимнее утро ничем особенным не отличалось: то же пасмурное небо над Москвой, те же голодные вороны, рыщущие по окрестным мусорным бакам, всё тот же тусклого вида спешащий на службу замученный люд, неловкими прыжками преодолевающий навалы неубранного снега. Мало легковых машин – всё больше автобусы восстановленного Ликинского завода с оторванными почему-то брызговиками. Редкие троллейбусы – нехватка электричества в городских сетях вынудила сократить количество рогатых, так решило столичное градоначальство. Ну и очереди, восстановленные из пепла времён. Утром нехватишь молока – останешься один на один с подхимиченной водой из-под крана. А заскочишь в обед, чтобы завтра было на кашу, так пальцем у виска крутанут да с хамской издёвкой посоветуют ещё ближе к закрытию подойти. Похожая картина по мясу, маслу, птице. По яйцу. По удобрениям. Проще с хлебом – я брал помногу, если удавалось, и морозил за окном, чтобы экономить на вечно пустом холодильнике, а после, как отгадывает, разогревал в духовке и быстро съедал с майонезом, пока батон не засухарился. Ну и почти нормально с ситуацией по комбижирам. А картошка, свёкла, капуста и лук – вообще, считай, беспроблемно кроме вполне терпимых очередей и грунтового привеса. Хуже с морковкой, её то ли на сахар забирают, то ли на лекарства. В общем, голодными не останемся.

Из дневника Кирилла Капутина, студента и спортсмена.

Он же и помог мне опять, мой Ионыч. И не только в том смысле, что на юридический без него не прошёл бы никогда. Тем более на международное отделение. Нет – в том, что помог разобраться в сущности дела. Теперь я мастер спорта по самбо, за университет выступаю, и чаще успешно, чем никак. А два года тому, когда поступал, был лишь КМС-ом, не поднялся выше, несмотря на старания. Или не везло, не знаю. Там надо было в тройку попасть уровня не ниже городских соревнований, чтобы Мастера получить. Я же вечно ходил в первых после бронзового, как назло, хотя рвал их зубами и ногтями. Всех. Мысленно, конечно. Ионыч говорит, злости у меня с запасом, и с хладнокровием полный порядок. Но всё ещё есть нехватка мастерства и опыта, и это природное, от этого, говорит, никуда. Сказал, моё призвание в том, чтоб не самому противника давить, но суметь так организовать дело, чтобы враг был задавлен по-любому: неважно, лично тобой или кем-то, кого ты же сам и приготовил. А противник в спорте – он же и враг по жизни, если брать на коротком отрезке противоборства. Таков, говорит, закон, Кира. И смотрит, будто насквозь прожигает. Я тоже хочу так смотреть, так уметь, быть похожим. В этом особая сила: в негромком слове, в прожигающем взгляде, в неброской одежде, под которой скрывается твоё преимущество и власть над людьми. Он только потом сказал, когда меня уже зачислили, что прошёл я по его спортивной квоте, как якобы мастер спорта и перспективный чемпион. У него кто-то был там, на кафедре, из бывших его то ли друганов, то ли подельников, то ли должников. Скорей последнее, так я чувствую. У меня ведь нюх. Особый. На людей, на собак, на ложь. Даже на еду, о существовании которой я только недавно начал нормально узнавать. Не потому что появилась – потому что сообразил, как добыть. Меня, как только понял про это, такая вдруг ни с того ни с сего злость охватила, что кооперативщиков этих развелось, как собак нерезаных. И каждый норовит схватить и урвать. А ты, вроде, ни при чём: хоть с дипломом, хоть какой. А тут ещё напечатали, что Ленин – кровавый вурдалак, своими глазами видел в журнале «Огонёк». Там ещё про хиромантию было – вся жизнь, оказывается, видна по отпечатку с ладоней, вперёд и назад. Меня интересует только вперёд. Назад, за исключением Ионыча, уже было и кончилось. Этот номер на факультете передавали из рук в руки, и никто не верил, что такое возможно, что дожили, доросли. И что – на свободе. Я же поверил сразу. Не в то, что вурдалак, а что теперь всё будет можно и потому надо успеть впрыгнуть в первый вагон, чтобы потом не бежать вприпрыжку за последним. А ещё лучше – в локомотив, к паровозному рулю и гудку.

Вчера ходил в Управление по Москве и области, прямо с улицы. Лубянский проезд. Просто вошёл и сказал, что буду дипломированный юрист и хочу трудиться в органах. Ещё дал понять, что родина в опасности и что я и есть тот самый её колосок, – как в песне, помните? Там в окне дежурный сидел, без знаков различия. Спросил паспорт, пометил чего-то своё, сказал, хорошо, идите, Кирилл Владимирович, учитесь, постигайте, ваши пожелания нам понятны. Смотрел доброжелательно, но и немного насквозь. Всё.

Потом я развернулся и вышел на воздух. Постоял, немного, думая так... ни о чём. Загрёб ладонью снега и стал энергично растирать им лицо, до нестерпимо краснорожей боли. Тёр, пока кожа не загорелась от внутреннего жара. От лица пошёл пар, и я вдруг решил, что надо в партию, пока её не закрыли на хер. Всё же идёт к тому, я вижу. А, может, сам же и закрою. А пока – надо. Сказал себе и двинул на Рабочий посёлок, к матери. Она у меня болеет вторую неделю, а на кране пока сменщица.

3.

Они привезли меня на Старую площадь, в самое логово. Сначала был шлагбаум, зажатый между двумя соседними стенами домов монументальной постройки, образовавшими как бы

естественный проход во внутреннее пространство такого же внушительного по площади двора. Пропускная перекладка казалась самой обычной, но только выполнена была из классического стального рельса. А ещё на месте привычного легкоприводного механизма я обнаружил более чем объёмный редуктор, соединённый с мощным движком.

– Это зачем? – кивнул я на впускное устройство.

– А против танков, – хмыкнул каракуль, – никакая Пантера ихняя не проскочит, уже проверяли.

– Зубы обломает, если что, – добавил ондатровый, – а не пройдёт.

– А пока думать будет да примериваться, мы её сверху с ПЗРК – ду-дух!! А снизу – фугасами, фугасами – дэ-дэх!! – с энтузиазмом подхватил сотоварища нижний чин.

Это выглядело более чем странно – два идиота, оба при при сыскарских погонах, на деле оказались обычными полудурками среднестатистического разлива. Объяснения тому не было.

Далее мы пересекли двор и въехали под арку одного из примыкающих зданий. Внезапно раздался скрипящий звук, кажется, сзади. Его подхватил такой же, но уже спереди, и я увидел, как медленно опускаются толстые металлические заслоны, огораживая арку с обеих сторон. Стало тихо, темно и немного страшно, как в детстве. Однако тут же включился свет, и вместе с Узиком мы начали опускаться вниз. Место, на котором мы стояли, оказалось подвижной платформой, верхняя часть которой являлась асфальтовым прямоугольником, вписанным в поверхность двора. Стыков не было, поскольку вокруг нашего транспортного средства имелась огромная всепогодная лужа, и вода, как только началась разгерметизация, устремилась вниз, исчезая в специальном дренажном устройстве.

– Ловко у вас тут всё придумано! – искренне восхитился я, – тоже против танков?

Ондатра хмыкнул, отозвавшись с заднего сиденья:

– Не, это больше от врагов народа, Грузинов.

Барашковский, что поджимал меня спереди, уточнил:

– Сейчас выйдем на минус третьем. А после поглядим: если враг окажешься, поедешь ниже, на седьмой горизонт. А утвердят годным, то покамест на третьем покантуешься.

И оба синхронно заржали.

Специальные службы ВРИ, как и Администрация Верховного Правителя, в основном базировались там, на Старой. Это я уже узнал чуть позже, когда малость пообвык. А вообще лишь немногим в Возрождённой Империи дозволялось иметь информацию о местоположении властных структур того или иного направления. В новостях, по каждому из 4-х Имперских каналов – новостному, экономическому, художественному и образовательному – давалась картинка и комментарий, однако адресность изображения чаще утаивалась. Кому надо, был в курсе. Ну а кто не знал, путался, не умел догадаться, тому не обязательно. Сам же он, ВП Капутин К.В., начиная с даты перенаименования Российской Федерации в ВРИ, сел в Кремль. Народ одобрил – иначе нельзя. Любая империя обязана себя защищать от кривого глаза и двойной морали. Кремль – место намоленное, и потому вне козней, недомолвок, интриг. Кремль – сакрален. Верховному Правителю, Императору, Отцу нации – место лишь там. Если не считать других пунктов заочного намоления – «Ямки 9», что по Копеечному тракту, и оставшиеся 72 императорские резиденции уже не столь сакрального значения. Тогда я ещё не ведал, что и сам вскоре расположусь неподалёку, буквально через стенку от императорского крыла, откуда в ожидании любого приказа Империи, стану созерцать булыжник, каким вымощена закрытая от народа Ивановская площадь. Красная, в отличие от этой, нашей, своего булыжника давно лишилась, ещё при Мякишеве став асфальтовой и гладкой. Тогда, помню, прошёл слух, что сделали это, чтоб не спотыкаться в ходе народных гуляний. Однако кое-кто подсказал, что власть, опасаясь любых волнений, на всякий случай устранила возможность дарового доступа пролетариата к привычному ему орудью.

Сопроводителей своих я больше не видел. Пугалки, которыми они время от времени подзаряжали меня, являлись скорее плодом их же недокормленности по линии службы. И это я понял очень скоро.

Как только платформа замерла, остановившись на нужном горизонте, оба, как по команде, приняли окончательно служебный вид, вышли с непроницаемыми лицами и отдали честь встретившему нас военному.

– Полковник Упырёв! – чётким голосом представился тот и, так же чётко отдав честь, кивнул в мою сторону, – Прощу, товарищи.

Двое моих сопроводителей расписались в приёмо-сдаточном акте, после чего передали Упырёву папку с изъятыми фотографиями моей родни и забрались обратно в Узик. Полковник едва заметно повёл подбородком, водитель понятиливо склонил голову и закрыл двери. Потом где-то наверху противно пикнуло, включилась боковая подсветка, и платформа мягко поплыла в обратном направлении – к дневному свету, непрозрачной луже с круглосуточным подогревом и грязноватым снежным сугробам, в которых порой обнаруживаются одинокие, неприкаянные и часто нетрезвые люди наподобие меня.

– Сначала покушать, – чеканно произнёс полковник, на этот раз уже обращаясь непосредственно ко мне, – потом всё остальное.

– Включая расстрел? – попытался пошутить я, соорудив лицом намёк на вежливую улыбку. Я только начал потихоньку отходить от вчерашних событий, от неприятного головокружения и своего антипатичного во всех смыслах утреннего отёка, от боли в груди, полученной в результате жёстко проведённого спецтычка и от этого по-идиотски раннего визита двух сыскарских, вернувшихся то ли добивать, то ли миловать. От всей этой непонятки и невезухи, столь легко читаемой на моей невыспавшейся морде, от малопонятных разговоров с этими хмурыми, совершенно чуждыми мне людьми. Единственное, что несколько притупляло исходящую от всего этого опасность, – я всё ещё был жив, более не бит и пребывал в явно потайном, государственной важности месте, никоим образом не походившем на тюрьму. Ну и, наконец, меня, кажется, собирались кормить.

Сначала мы миновали дугообразный коридор, по всей длине которого, пока шли, я обнаруживал следящие устройства. Затем повернули налево и упёрлись в стену с четырьмя не отличимыми друг от друга дверьми.

– Крайняя слева – ваше временное пристанище, – сообщил Упырёв, – а кормиться будете в крайней справа. Две посередине – центр подготовки и тестирования.

– Меня что, в космос пробуют? – не понял я, – о какой подготовке речь?

– Сначала мы проверим ваше здоровье, Гарри Львович, – вежливо отреагировал полковник, – а уж потом перейдём к прочим процедурам. Если только в них будет смысл.

– А если не будет? – я чуть вздрогнул телом и отдельно напрягся головой, – тогда меня что, в расход?

– Тогда вы просто вернётесь к обычной жизни, товарищ Грузинов, и потому вам не следует ни о чём беспокоиться. Что у вас там, кстати, с почками? Сильно беспокоят?

– Которой нет, та вообще не беспокоит, – пожал я плечами, – а какая имеется, той вот вот на гемодиализ. Или же в печку, вместе со всем остальным организмом.

– Ну это мы, если что, подправим, – не согласился Упырёв, – я, конечно, в таких делах не спец, но поверьте, они у нас есть, причём на самом высоком уровне. Я бы даже сказал, на мировом. – В это время мы заходили в уютный для меня апартамент, где, как я сразу обнаружил, имелось всё необходимое для вполне приличной жизни. Функционально помещение напоминало несколько улучшенный номер в профсоюзном санатории, специализирующемся на заболеваниях нервной системы. В смысле, на избавлении от них. Я это понял, отметив однородный колер излишне мягких тонов, в который были закатаны гладко вышкуренные стены, а

также несколько украшавших их вполне милых пасторалей более чем наивного письма. Плюс стаканы из неколкого пластика и отсутствие столовых приборов колюще-режущего характера.

– Располагайтесь, Гарри Львович, отдыхайте. Ближе к вечеру принесут снотворное, так что ложитесь сегодня пораньше и выспитесь как следует. А завтра начнём. Да, через час у вас обед, уже знаете где.

Всё получилось, как обещал Упырёв: отлично покормили – практически вся еда соответствовала напрочь забытой организмом гамме вкусовых переживаний. Потом принесли таблетку, дали запить. Вежливо пожелали крепкого отдыха. Всё! За исключением одного – этой же ночью, как только подействовало чудотворное снадобье и я совершенно вырубился под воздействием этого не известного официальной науке средства, они провели с моим телом все необходимые манипуляции: анализ крови из пальца и вены, отбор мочи, проба на кислотность пота, пункция спинно-мозговой жидкости, отсос спермы через специальный зонд, рентгенологический снимок черепа, а также прочие МРТ, КТ и ПЭТ. И главное – к утру уже был выявлен достоверный диагноз относительно моей единственной почки. К сожалению, малоприятный. Именно так доложил мне полковник на другой день. При этом был он на удивление мил, улыбаясь и вообще, заметно расположен.

– И чего же в этом такого радостного? – удивился я, услышав о неутешительном вердикте урологов, – потому что скоро сдохну, поскольку рядовому гражданину ВРИ гемодиализ не положен?

– Я, Гарри Львович, радуюсь не тому, что сдохнете, а вовсе наоборот – что проблема ваша легко разрешима путём самой обычной трансплантации недостающего органа. Да хоть и обоих: сначала – дурно работающего, а после – отсутствующего! – Он хорошо улыбнулся, искренне, и даже как будто освобождённо, словно в этот счастливый миг получил известие об отмене собственной страшной участи.

– Так где ж вы её возьмёте, товарищ Упырёв? – я недоверчиво уставился на него, – это же целое дело: свежий труп, он же донор, совместимость всех параметров, ну типа антигенов, резус факторы разные и тому подобное. Да просто приживаемость, в конце концов.

– Ну это не ваша забота, Гарри Львович, – отмахнулся полковник, – где надо, там и возьмём: вон их сколько в день бывает. Или в год, не помню точно. Да это и неважно.

– А как же оче...

– Очередь не для вас, товарищ Грузинов, – оборвал меня Упырёв, – очередь для остальных граждан, и то, если заслужат. А с вами так получается, что, если потребуются, так уж извините, выберем кого надо и грохнем. Типа спецзаказа. На госнужды Империи. А не приживётся, так будем грохать до тех пор, пока какая нужна почка не вращёт в ваш организм, как влитая.

– И за что же мне такое счастье?

– Ну об этом чуть позднее, Гарри Львович, думаю, сразу по завершении исследований по части наследственных заболеваний и проведения психолого-психиатрической экспертизы. – После этих слов он слегка замялся, но всё же спросил, явно преодолевая некоторое неудобство, – Кстати, товарищ Грузинов, вчера, боюсь, упустили мы в суете, так сказать, буден, один вопросик. Надо бы тоже прояснить. И порешать. Потому что может оказаться важным в ответственный момент.

– Так спрашивайте, – милостиво разрешил я, – без проблем. Что за вопросик?

Я уже не боялся. Хотели бы грохнуть, дать срок или поразить в правах, давно бы осуществили. А раз так капитально возятся со мной, кормят в убой, кровь исследуют и на всё остальное планы имеют, то, стало быть, задумали чего-то точно не смертельное. Скорей всего, сам того не желая, я просто попал в эксперимент по вращиванию донорской почки в пустое место – там, где она когда-то была, а после быть перестала. Точь-в-точь мой случай.

– Так вот... – Упырёв, казалось, был немного смущён, поскольку слегка отвёл глаза в сторону, – хотели узнать ещё... Вы обрезанный, товарищ Грузинов, или нормальный, ну, я

имею в виду, как подавляющее большинство более-менее рядовых граждан титульной нации? – Я удивлённо посмотрел на полковника: чего-чего, а подобного вопроса точно не ожидал. – Я объясню, Гарри Львович, объясню! – успокоительно замахал руками Упырёв, засекавши мою реакцию, – Вы же, насколько мы в курсе, частично к еврейской нации примыкаете, верно? Несмотря что русский паспорт носите. Дедушка ваш, Моисей Наумович Дворкин, профессор покойный, ясно ведь какую народность представлял? Он же вас и вскормил, считай, единолично, без матери и отца, правильно? – Я согласно мотнул головой, ожидая оргвыводов, – Ну так вот и говорю: быть может, свозил вас ещё малым дитём в синагогу на Архипова, нынешнюю Когановича, чтобы, как говорится, чики-чик и в дамки? Он ведь, как мы знаем, совсем не редкий там гость был, на Архипова-Когановича. Сейчас там, конечно, самбисты тренируются, под бывшими сводами, так сказать, но в то-то время, как известно, маца в вашем доме не переводилась. Да и тейглахи сам варил, дедушка ваш, путер гебексы разные кухарил и вообще. А дома у вас, на Елоховке, ермолку не снимал, чуть ли не спал в ней, на клей присаживал. Тоже не ошибка?

– Тоже, – утвердительно кивком согласился я с его догадкой, – что было, то было. Но только никаких обрезаний, поверьте, не производилось: ни на Архипова, ни на Когановича, ни у каких-либо самбистов. Могу предъявить, если желаете, там всё чисто, без любой двусмысленности.

– Не станем унижать друг друга недоверием, – облегчённо выдохнул полковник, – вы сказали, я услышал: тем более, как вы уже, вероятно, поняли, любой обман или даже самое мелкое лукавство в нашем ведомстве не проходит. Потому что здесь – граница. И мы тут – пограничники вашего тела и нашего общего духа. Бойцы справедливости. Заслон нации. После нас – край, обрыв. Перед нами – пропасть. Как говорится, и на сраной козе не подобраться ниоткуда. И потому предлагаю сотрудничество по полной программе, товарищ Грузинов, от и до. Согласны?

– Да... я не против, в общем, – промямлил я, – а чего делать надо? Вы ж так и не сказали, товарищ Упырёв.

– Завтра, всё завтра, дорогой вы наш, – хитровански улыбнулся полковник, – а пока встретитесь с местными психологами. Чуть позже – с психиатром. И, если всё у нас ровно, то, глядишь, и приступим, помолясь...

Из дневника Кирилла Капутина, выпускника МГУ, сотрудника органов.

Вчера защитил диплом, на отлично. Я горд и счастлив, очень жалею, что не могу выйти на Лубянскую площадь и поделиться радостью со всем миром. Моя тема – «Принцип наименее неблагоприятной нации». Жаль, но я даже со своим научным руководителем профессором Кошаком не успел вчера переговорить после защиты, произнести слова благодарности, выразить признательность за поддержку и подмогу по всем делам. Честно говоря, не знаю, чего я так к нему привязался, несмотря что всё же чужеватый он, не свой, с других каких-то атомов и молекул деланный. Верно говорят: классово близкий – классово далёкий. Однако же не отверг меня: направлял и правил, и на том спасибо.

После защиты он сразу унёсся на заседание Верховного Совета – выступал от межрегиональщиков, он у них там в почёте и авторитете. Да и, шутка сказать, – Глава конституционного совещания при обоих главарах сразу, полноправный автор, можно теперь считать, новой Конституции. Ионич говорит, притрись к нему пока не поздно: гадом буду, кишкой чую, ох как пригодится нам твой профессор. Они, кстати, оба мудрецы и хитрецы. Только Кошак ещё и охрененный знаток законов. У нас с ним интересно получилось: я в том году в партию вступил, как и планировал, кандидатский срок истёк и меня взяли. А он день в день со мной из неё же вышел, совсем, спалив билет на глазах у уважаемого собрания. Натурально, спичкой жёг и стоял смотрел на огонь, пока печать шипела под фоткой. Интересно, на что рассчитывает, если

отбросить всю эту трескучую херомантию с перестройкой и гласностью. Вроде в одной стране живём, в одно время, а устроены почти по диаметру – тоже чую, не хуже Ионыча.

Короче, проставился сегодня – Ионыч со своими ребятами из секции меня принимали в раздевалке. Тосты-шмоты такие, что даже неловко слушать. Чувствую, любят меня Ионычевы пацаны не формально, не за диплом и не чтобы было кому при беде вытаскивать их за уши. Ну не только за это. А за то, что не подличал со своими, не уваливал, когда было горячо. Что не чурался друганов его, какие кто сидел, как сам, а кто в бегах хоронился, у нас же при секции. А мужики-то золотые: Барсук, Комар, Репа, Золотарь и другие.

Продолжаю. На другой день уже получил распределение. Чуда не случилось, само собой. Верней, именно оно и произошло, хотя ожидаемо. Но всё равно праздник души, сердца – всего-всего! Рабочий посёлок узнает, на уши встанет. А нет, так, надо будет, сам их раком всех поставлю, поселковых!

В общем, в тот же день я от радости совершил ранее несовершаемое – добыл два билета в Большой театр. Через Ионыча, опять же: кореш его там главным массажистом всего Большого, кости и суставы тамошним примам и премьерам в чувство приводит – в молодости секцию посещал самбистскую, ища защиты от дворовых уркаганов. Ну и, как водится, сдружился с Ионычем на годы. Говорят, он теперь вообще главным у них считается после Плисецкой с Григоровичем. Так Ионыч и набрал его по старой памяти, и тот дал команду на вахте оставить для меня на проход, в ложу. Дальше я – к матери, на кран. Говорю, слезай, мам, идём балет вечером смотреть. Она – у меня, мол, смена до семи. Я говорю, плюнь, поломай командоконтроллер, замкни там чего-нибудь типа фазу на контакт, я тебя скоро вообще отсюда уволю навсегда, вот увидишь. Ну мама и замкнула на короткое. И пошла со мной, впервые в жизни в театр, вообще, в принципе, и сразу в Большую ложу. Там я и встретил их, в соседней келье, что через бархатный борт от нашей, – Кошака и дочку его, Милю. И там же её закадрил.

А в кадрах на другой день сказали, что для начала тебя, как юриста, – в Секретариат Управления. Освоишься, двинем, может, в контрразведывательное подразделение. А там поглядим, какой ты фрукт. Выходишь 24-го к 9 утра.

И точно, перевели. Это за день до 19 августа было. А 22-го! Ну всем известно теперь, что случилось. И как окончилось. Главного по ведомству убрали, а заодно и всех наших, кто им теперь не свой. Пятнистого с южной зоны вернули, так он – туда же, в отказку, отписал страну Шевелюре, заявление сделал, соскочил. Баба его, та вообще еле на ногах держалась, чуть с трапа самолётного не навернулась, когда выходила, белая вся, губы трясутся, рот косой, глаза дёрганые. А этот, новый наш, аж сияет. И без умолку – «Р-р-россияне, р-р-россияне, р-р-россияне!».

Если честно, я даже не успел понять, лично для меня это плохо или очень плохо. Шевелюра партию приостановил, первым же своим указом. Выходит, не я был прав, а законник мой, Кошак, что вовремя краснокожую билетину свою прилюдно поджарил.

Короче, все три непонятных дня отсиживались в раздевалке у Ионыча: его пацаны, он и я. Ждали чем закончится толковище и мутный беспредел. Ионыч сказал, надо ещё очень прикинуть, за кем из них нормальная правда. Мне, говорит, пока самому неясно, от кого больше говна огребём – от старых или новых. Пили мы в основном водку и пиво, изредка выходя на воздух освежиться. Ну и телек не выключался, само собой. Лично я пил немного, больше следил за происходящим и думал о том, куда судьба засунет Кошака с его дочкой. Он вон в телевизоре мелькает, не отходя от Шевелюры ни на шаг, и – ясное дело – если наши окажутся сверху, то вариантов два: или забираю эту его Меланью в свою жизнь, или пускай остаётся один на один с побеждёнными Кошаками. Осталось в этом бардаке только понять – кто же они, «наши».

Ну а в Миле Кошак я был уверен с первой минуты знакомства, как только засёк у неё на глазах быструю влагу после того, как с лёгким выражением зачитал ей параграф одного дурного гороскопа за прошлый год. Короче, если надо, то – моя.

Однако самое неприятное, что пробило прям до печени, имело место как раз сегодня, 23-го, со вчерашней постпобедной ночи. Пишу сразу по событию, тюль в тюль. Так вот, зацепили тросом и сдёрнули, как и не было его – всё 11 бронзовых тонн. Окольцевали шею петлёй, как висельника, и стали тянуть краном на базе Камаза. Тянули, тянули... Он поначалу не поддавался, Феликс Эдмундович, почти устоял, но они, видно, командоконтроллером чуть вбок дали, и тогда он треснул и воспарил поначалу, а после рухнул головой в клумбу, весь. И замер. Представляете? А если б мать моя не на башенном работала, а на передвижном, на базе того же Камаза? И, допустим, её смена была и вызвали б по наряду. Так она бы, значит, убийцей моего же кумира сделалась? А я бы, получается, стал иудизин сын?

Нет, это кошмар, честно говорю. Остальное – туда-сюда, как вышло, так и будет, но с Дзержинским, на кого молился, под кем чистил себя, про кого с детства на Рабочем посёлке вслух стихи отбивал, рвано, с чувством, по-маяковски... Даже Ионыч, условный враг всех режимов, и тот его, хотя и не читал, но читал. Утром позвонил, сказал, что новые неправы, и что ещё очень пожалеют, и что есть политика и разные там изменения строя, а есть чисто мутный беспредел.

А сегодня к обеду нас собрали по коду чрезвычайной ситуации, кого сумели найти, и сделали авральную объяву по всему Комитету: кому – вольные хлеба, а кому – ждать нового хозяина и свежего приказа. Про членство в партии – ни слова. Потому что верхи уже, сказали, не могут, а низам – типа каждому своё, «суум куиквэ» – ровно как на воротах Бухенвальда.

4.

Первым был психиатр, встретились мы с ним за второй дверью слева. Меня пригласили, он уже там хозяйничал – разложил бумаги, раскидал оттиски рисунков, графики, приготовил молоточек для нервов, всякое другое. Посмотришь на всё это трезвым глазом и уже решишь, что псих, потому что нормальному не предложат высказаться насчёт того, проводит ли он пальцем вдоль приёмной щели почтового ящика после того как опустил в него письмо. Или не поинтересуются, например, могу ли я зарезать овцу. И свернуть шею курице. Раздражает ли меня неровно спущенный край скатерти. А то, что запах какой-нибудь там баранины мои вкусовые рецепторы не смогли бы восстановить даже в самых смелых воспоминаниях, что последний раз куриный бульон я получал из рук незабвенной Анны Аркадьевны, когда температурил незадолго перед армией, что последняя изношенная до предела скатерть, как субстанция жизни, пущена на тряпки в связи отсутствием другого средства подтереть мокрое – это их не заботило. И что писем не пишу, потому что некому писать. Тем более, когда нет конвертов. И после этой чуши он станет решать тип расстройства моей личности – диссоциальный, обсессивно-компульсивный, пассивно-агрессивный или же сразу шизоидно-истерический?

Одним словом, я не дал ему шанса, ни малейшего. На вопросы отвечал сдержанно и толково, как когда-то ещё до армии учил меня дед. В позе Ромберга был устойчив, хотя как раз в этот момент слегка прохватило очередной почечной судорогой. На вопрос, что считаю своим главным недостатком, ответил прямо – несправедливая и затянувшаяся невестуха вследствие собственной человеческой недалёкости. И таинственно улыбнулся, призывая доктора разделить этот несколько иронический взгляд на столь экзистенциальное определение главного недостатка. И добавил, что всегда хотел преодолеть свою же собственную сущность, чтобы понять всю глубину эмоциональной природы устройства человеческой личности, но, наверное, не потянул, не хватило той самой глубины.

Когда прощались, поинтересовался, что у него за погоны. Майорские – не стал скрывать своего звания мозгоправ. Ну я и подыграл ему: сказал, для меня ему вполне подошли бы и

старлейские, поскольку он, как мне показалось, слишком видный специалист, чтобы тратить на меня столь дорогое время.

В то утро я уже буквально на мышечном уровне начал сознавать, что должен пройти испытания без малейшего сбоя. Что нечто, уготовленное мне этими загадочными обстоятельствами, таит в себе совсем иную жизнь, другую судьбу, невероятный поворот к которой рано или поздно придаст мне окончательно человеческий облик, особенно в эти смутные времена.

Как ни странно, с психологом было сложнее. Там уже был не живой разговор, больше работали опросники. Они были неохватные и каждый раз предлагали испытуемому до сотни вариантов совершения того или иного действия в предлагаемых, чаще дурных или же совсем идиотских обстоятельствах. Первый из них, наиболее короткий, запомнился, как один из самых странных. Вопросы, к примеру, были такие. В качестве образца привожу малую часть того, на что пришлось отвечать, теряясь в догадках:

«Вы идёте в окружении охраны, вокруг люди, сотни, тысячи людей. Внезапно к вам под ноги бросается собака средних размеров, без ошейника. Всё происходит быстро. Ваши действия:

Резко отпрянуть в сторону.

Спрятаться за охранника

Закричать, привлекая внимание.

Не обращать внимания, продолжая следование по маршруту.

В случае, если вооружены, стрелять на поражение.

Нанести удар ногой, целя в морду зверя.

Замереть на месте, ожидая действий службы охраны.

Широко улыбнуться, демонстрируя полный контроль и чувство превосходства над ситуацией.

Бежать, не дожидаясь чьих-либо действий.

Приласкать животное в попытке установить миролюбивый контакт.

Можно было выбрать один – максимум, два пункта. Отказ, как и непопадание, невозможны: «психолог» дал понять, что выбор носит принципиальное значение для решения моего вопроса. Какого – вновь сплошная загадка.

Я выбрал «восьмое» и по реакции проверяющего догадался, что попал. Хотя снова понятия не имел о том, как всё здесь устроено и чего от неудачника средней руки на одной нездоровой почке добиваются те, кто без каких-либо объяснений выдернул его из привычной тухлой жизни, вовлекши в наиудивительнейшую историю без отчётливых правил. Не говоря уже о каких-никаких правах.

В остальных испытаниях, продлившись в отличие от психиатрических два полных дня и часть ночи, когда ко мне спящему вошли двое незнакомцев, резко разбудили и наказали в течении трёх минут ответить на 60 вопросов, я также поучаствовал. В общем, блиц-тест на реактивность головы.

Наутро заглянул Упырёв. По его добродушному виду я понял, что сегодня, вероятней всего, меня ещё не замочат.

– Прошёл, прошёл, дорогой мой человек! – бодрым голосом воскликнул полковник и, приблизившись ко мне, крепко обхватил ладонками мою правую кисть. Ручки у него были маленькие и приятно тёплые, как у мамы, которой я никогда не знал. Иногда так же делала Анна Аркадьевна, когда, призывно глядя мне в глаза, просила сходить в Елоховскую церковь, чтобы просто постоять, побыть, лишний раз причаститься к атмосфере тишайшего соборного полумрака. Да только полумрак этот никогда не воспринимался мной как особо благостный. Наоборот – он постепенно перемещался в разряд зловещих, лишённых всякого доброго смысла.

– Хотите сказать, проверки завершены? – оживился я, – Всё теперь позади?

– Боюсь, миленький, всё теперь у нас только начинается! – засмеялся Упырёв хорошим добрым смехом. Думаю, он намеренно изменил манеру общения со мной, с целью подчеркнуть окончательно укрепившуюся близость сторон. – Завтра уже пойдёте по урологической части, и если всё путём, то это и есть тот самый путь к полному выздоровлению. Донор, кстати, уже подобран, так что, считайте, Гарри Львович, дело на мази. Только диализ и останется пройти, да и то так, на всякий пожарный, для полной страховки.

– Это как? – не понял я, – он же помереть сначала должен, в катастрофу попасть, или с крыши, например, упасть. В крайнем случае – самоубийца, хотя не дай бог, конечно.

– Ну-у... брат ты мой, мы же серьёзное ведомство, мы подобными мелочами не заморачиваемся, – развёл руками полковник, – это мы так с тобой до второго пришествия досидим ожидаючи нормального трупика. А так – отберём спокойненько, кто ровно в твой анализ ляжет по всем показателям, и решим вопрос, без любой катастрофы. Уже, можно сказать, подобрали. Крепыш, спортсмен, разве что не чемпион. И все живы, все довольны. К чему нам чья-то смерть? Мало на земле горя без нас? Зато донору твоему поблажка на зоне выйдет, плюс лишние свидания с родными и защита администрации колонии на все случаи жизни и смерти. Понял, Гарри Львович? И вообще, привыкай жить не по лжи, правда – она всегда выгодней, особенно если проходит по нашему ведомству. Уж я-то собаку на этом съел, гад буду.

Было ощущение, что одним случайным движением полковник Упырёв оборвал некую условную нить, перемычку, даже мосток, что ещё недавно столь безнадёжно нас разделял. Впрочем, как и с теми двумя, ондатровым и барашковым. Заметно изменилась и речь полковника, сделавшись лексически чуть более доверительной, как это бывает у людей, повязанных если не дружескими отношениями, то хотя бы нехорошей общей статьёй, ухода от которой практически не существует.

– Стоп, стоп! – на какую-то секунду я обомлел, утратив дар речи. Сообщение было настолько чудовищным, плюс к тому сделано в такой недостойно цинической и даже отчасти игровой манере, что я просто не мог не ощутить себя полноценным подельником в этом ещё не свершившемся, но уже во всех смыслах ужасном преступлении. – Это вы из-за меня, из-за ваших непонятных опытов собираетесь отнять у невинного и совершенно здорового человека его полноценный орган? С какой стати, товарищ полковник? Кто вам такое право дал? И как я после всего этого буду жить, зная, что что внутри меня функционирует незаконно изъятая у кого-то почка?

– Ишь, совестливый, – расплылся в улыбке Упырёв, – честный какой, переживательный. А с другой стороны, это и неплохо: чего случись, оно и без неожиданностей. Хотя... как ещё посмотреть... Смотря чего случись...

Сейчас он уже, казалось, бормотал под нос лишь себе одному, напрочь забыв о подопечном. Будто решал некую служебную дилемму, о существовании которой лично мне знать не позволялось в категорическом порядке. Но тогда это явно расходилось с генеральной линией, следование которой было оговорено однозначно и уже при полной взаимности сторон.

Он ещё немного побормотал, затем снова улыбнулся и произнёс:

– Вру! Будет тебе нормальный свежий трупан, с крыши или с-под колёс. Это я просто проверял тебя, Гаря, типа на совесть и гуманизм. Будем считать, испытание на человечность ты тоже прошёл. И теперь после завтрашнего диализа уйдёшь на хирургию. Потом – реабилитация и новая работа. Между ними – кой-чего ещё. Но это уже не я буду заниматься, другие. В общем, увидимся, ефрейтор, бывай!

Я и на самом деле вернулся в 94-м из Новозыбокова в звании ефрейтора, но только откуда этот человек мог это знать? Впрочем, вероятно оттуда же, откуда был в курсе и про мою родню, включая даже такие малости, как клей для дедовой макушки. В конце концов, я находился не в профсоюзном пансионате по льготной путёвке, а в натурально подземном бункере на Старой площади, расположенном на минус третьем от земного нуля горизонте. И если что пойдёт

не так, мне ясно дали понять, что для таких как я существует ещё и минус седьмой уровень ответственности, расположенный к раскалённому земному ядру намного ближе нынешнего.

Из дневника Кирилла Капутина, аттестованного старшего лейтенанта юстиции в системе территориальных органов КГБ-МСБ.

Вольные хлеба не для меня, это точно. Во всяком случае, до той поры пока не определюсь в главном. Что бы там не имело место, какие бы временные силы не пришли к промежуточной власти, защиту родины никто не отменял. Ни снаружи, ни изнутри. Слабые пускай отползают, ну а сильные, как я, Ионыч и Феликс, выстоят, не сдадутся. Родина одна и торговать ею мы не станем. Как и не будем бездумно метаться и психовать, потому что нужно просто переждать, перебдеть, обдумать положение вещей, продолжая служить народу. А там, глядишь, и наши подтянутся. Скажу прямо, кто они я и сам пока не знаю, но уверен, что разберусь. А пока – не стану лукавить и врать – путаюсь. Комитет наш, если не распустили ещё, то уж перемудили основательно. Переименовали в МСБ – межрегиональная служба безопасности. Хозяина поменяли – новый пришёл с лицензией от Пятнистого на беспредел. По коридорам мутные типы какие-то шарятся: диссидент Быховский, поп-расстрига Якушин, и даже из наших имеются, но наново перекрашенных – генерал Кулагин. А нынешний хозяин уже отличился – взял да и отдал америкосам схемы прослушки их посольства, а там всё – сплошная антенна: каждая стеночка, каждое перекрытие, не говоря уж о стропилах. Даже в фундамент, оказывается, резонаторы вшили, прямо в бетон, а теперь, выходит, всё коту под хвост. Сволочь он и предатель, по-другому и не скажешь.

Встречался с Ионычем, старик в порядке. Говорит, смута не такое плохое дело, а в чём-то даже и полезное: для страны, для народа и особенно для людей, какие в теме. Сказал, самое время немного загатаиться и пронаблюдать, куда всё идёт. А после – разом навалиться и успеть. Перехватить и занять. Или же сразу занять, ещё до перехвата. Но тогда потом надо сильно позаботиться, чтобы не перехватили у самих. Короче, чисто законченная философия правды, жизни и судьбы. Главное, не ошибись, боец!

Рассыпалось в те дни пока ещё не всё. Куда-то набирали, просто чтобы выжить, при Комитете, я имею в виду, обновлённом, а куда-то – пересидеть до понятных времён. Вызнал про действующие структуры внутри системы. Оказалось, всё ещё в работе курсы подготовки оперативного состава. Туда и попросился, хуже не будет, хотя уже имелся перебор курсантов. На первых порах отказали, но вмешался Ионыч. У него и там свои. У него везде свои – хорошие самбисты везде нужны. А с одним из них он даже чалил на зоне, кого потом полностью реабилитировали. Тот когда-то завербовал человека, сделав его агентом влияния, однако чуть позже того же самого персонажа вербанул коллега по службе, предложив больше. Он и поддался, став двойным агентом одной и той же родины. Далее возник конфликт интересов в смысле права первой ночи и последующих благ. Ну нашего и подставили – свой же, тот, кто пришёл вторым. А наш присел к Ионычу на зону. Потом разобрались всё же – тоже при посредстве Ионыча. Тот потолковал с Кумом как надо, и Кум запустил дело на пересмотр, с доказательствами, какие добыл Ионыч, не покидая зоны. Через Золотаря и Барсука, если конкретно. В общем, поменялись ребята фортунами – тот присел вместо этого, этот сделался начальником курсов всех оперативников при Комитете. Именно так поведал мне историю Ионыч. И я ему верю, потому что после его вмешательства меня зачислили, считай, без проволочек. И ещё потому, что мы близкие люди, как ни глянь: и классово, и ментально, и по жизни.

Вот только аттестовали меня на офицерское звание не сразу: прежде полгода прошло, плотных, напряжённых, боевых. Там на воле свои дела: тут, за колючкой курсов, – свои. Вербовка, допрос, стрельба с обеих рук и всех положений, слежка и уход от неё, провокация, маскировка, взрывное дело, язык, яды и прочее важное для жизни и борьбы. В редкие дни удава-

лось-таки вырваться в город, и тоже не без посредства Ионыча. И если не намечалось ничего срочного, то каждый раз я выискивал Мильку и затаскивал её в постель, уже как свою, проверенную, безотказную. Потому что Милька была уже влюблена, если не до обморока, то уж наверняка по-честному. К слову сказать, я же сам и влюбил её в того парня, каким с первого дня для неё стал. В таких случаях Ионыч учит растопыривать клиенту ушню и крепко вливать, коли намерен занять пользу. В моих отношениях с девицей Кошак это очевидное правило работало лишь наполовину. Она мне и на самом деле слегка нравилась, хотя и не до уз. Просто с первой же минуты, как мы увиделись с ней в театре, я решил не упустить шанс. Там ведь по-любому вырисовывалось интересно, как ни взглянуть – вопрос лишь в смене концепта в целом, как и в умении вписаться в любой заданный контекст. Хрен с два ещё отыщешь в доступном тебе месте подобное совмещение широкопрофильного словоблудного патриотизма с совершенно латексной гибкостью хребта: при том, что сам-то хитрый, как китайский жук, и всенепременно вывернется. Это я про Антона Анатольевича. Потому что и тем угодит, если что, и этим сгодится – на том стоит и ещё долго стоять будет. Я это злым своим нюхом чуял, несмотря на любой пригожий внешний фактор. Именно так и ощущал его, гнилого Кошака, моего будущего тестя. А Мильку его, когда она в первый раз передо мной разделась, я, конечно, постарался не разочаровать: набормотал ей в уши всякого ласкового да нежного, ну и насчёт остального не поленился. Хотя, если честно, рассчитывал и на сиськи получше, и на ляжки постройней, в верхней, в смысле, части. А вообще, бывали в нашей раздевалке тёлочки и получше, особенно когда Комар за это дело отвечал. Кстати, ни на миг не жалею о проведённых месяцах учёбы, потому что знаю, как это пригодится на практике, куда бы и как потом судьба ни закинула меня: оперативника, офицера, государственника от бога и юриста для чёрта и на все времена.

5.

Упырёва, как тот пообещал, я больше не видел. На другой день пришли два приятных на вид костолома в белом и подключили меня на диализ. Скорей всего доктор и медбрат. На вопросы не отвечали, работали молча и споро. Разве что один вдруг ни с того ни с сего пробурчал, то ли себе под нос, то ли обращаясь ко второму:

– Гречки на этот раз не дадут, сказали, но зато по две сайры добавят. И одну шпроту.

– Сверх заказа, – не понял второй, – или в составе?

– Щас! – с внезапной злостью в голосе отреагировал первый, и по его слегка начальственной нотке я догадался, что врач – это он. – Какой там, сверх! Это ж тебе заказ не новогодний, а кварталный.

– Ну и что же, что кварталный, – не сдавался медбрат, подсоединив трубки диализатора и подкатывая ближе ко мне аппарат на колёсиках, – за последний год в месячные лучше стали класть, чем в прошлые кварталные. Даже чай со слоном два раза был, чисто весовая Индия. А теперь вон снова Краснодар этот вениковый, мать его ети.

– А ну завязывай давай! – внезапно приструнил брата доктор и в лёгком раздражении обернулся ко мне.

– Готово, пациент, начинаем. Теперь просто лежите спокойно четыре часа, больше ничего. Лицом, голосом работать можно, тазом и ниже – нет.

И ушли, притворив за собой дверь. Однако через пару минут она снова распахнулась, и очередные двое в таком же стерильно белом и тоже при полном молчании стали вносить в процедурную фотооборудование: штатив, камеры, осветительные приборы, экраны подсветки и всё прочее для съёмки.

– Вам кого? – спросил я, понимая, что, хотя это не случайно, но всё же голос подать не мешает.

– Снимочки, снимочки, уважаемый, – дежурно кивнув, отозвался один.

– И немного видео, – пояснил другой. – Съёмочка, товарищ пациент. Поручение полковника Упырёва. Мы вас особо не потревожим, вы лежите себе, как лежится, или сидите – остальное подскажем.

– На пропуск что ли? – не понял я. – Или куда?

В это время они уже успели подключить камеры, надлежащим образом расположили прочее оборудование и зажгли световые приборы.

– Нахмурьтесь, пожалуйста, – попросил первый, – если можно, по сильнее.

– В каком смысле, – удивился я, – зачем?

– Так надо, – равнодушно пояснил второй, – так нас просили. Пожалуйста, просто делайте как мы говорим, и тогда мы вас особо не задержим.

Я нахмурил брови. Затем слегка поджал рот и чуть-чуть приспустил веки.

– Нормально?

Одна камера уже стрекотала, вторая производила скорострельные щелчки.

– Чуть больше попрошу, и сразу после этого слегка убавьте хмури, процентов на двадцать пять-тридцать, – довольно сухо произнёс первый. – А примерно через минуту – ещё на двадцать пять, тоже в сторону понижения.

Я выполнил, как сумел: постепенно разглаживая лицо, расслабляя бровные валики и разжимая губы.

– Нормально, – кивнул мне второй, и вновь без излишней эмоции, – с этим, думаю, разобрались. А теперь радуйтесь, пожалуйста, как можно сильнее: восторгайтесь, восхищайтесь, смейтесь, мысленно приветствуйте кого-то из приятных вам персон. И отдельным файлом просто поулыбайтесь, прошу вас, так и сяк, но только умеренно, от едва заметной, явно сдержанной улыбки, до привычно вежливой, деловой, но не ярко выраженной. Пробуем? По команде, пожалуйста.

Последующие десять минут под неустанным руководством двух фотопсихиатров в белых халатах я кривлялся по-всякому, выстраивая своей несчастной физиономией полную линейку несуществующих эмоций, лживых улыбок и неотведанных радостей.

– Теперь – горе... – напомнил второй первому. – Давай мы его тоже отдельным файлом, а то Хорь потом сожрёт, дерьма не оберёшься.

– Да-да, «горе», уважаемый, – обратился ко мне первый, – попробуйте выдавить на камеру скорбь, слезу, но так чтоб она шла едва заметно, не так, когда вы, к примеру, хороните кого-то из близких, а, допустим, просто лук почистили, без слезы, но на мокрой основе, чисто на влажной слизистой, ладненько?

Понять-то я понял, но с этим и выходило сложнее. С одной стороны, вся жизнь моя – сплошные слёзы: чего бы и не выдавить, коль уж просят. А с другой – так привык я к этой жизни, настолько отвратительно втянулся в неё, что даже плакать неохота. Это и есть одиночество. Даже не нужно, чтобы тебя жалели. И некому соврать, что тебе по жизни хорошо.

Я подумал об этом, и тут же навернулись эти слёзы, те самые, – ровно такие, как заказывали мучители со светоотражателями: ещё не каплями, но уже ощутимо влажная фракция.

– Стоп! – заорал вдруг второй, адресуясь ко мне, – держите сколько можете! Идеально, просто перфект, то что нужно!

Первый обрадованно подхватил:

– Снято!

После этого оставалось лишь немного уточниться, пройдясь по мелочам: ирония (щёлк-щёлк), сарказм – лёгкий (щёлк), он же, но уже чуть в более тяжёлом варианте (щёлк-щёлк) и, наконец, образ надежды – двойная вертикальная складка на лбу, устремлённый в будущее ясный взор, чуть вытянутые в трубочку губы и малость раздутые усилием лицевых мышц носовые крылья (щёлк-щёлк-щёлк).

На этом мы завершились. Они собрали матчасть и, синхронно кивнув на прощанье, молча удалились.

Когда до завершения диализа оставался час с небольшим, явились очередные посетители. Эти были, похоже, из более культурных, потому что, несмотря на такие же халаты калёного крахмала, оба поздоровались. Тоже – мужики. Видно, на Старой площади предпочитали иметь дело исключительно с мужским контингентом, который в случае любой чрезвычайки мог использоваться ещё и в качестве живой силы прикрытия. Но об этом я догадался не сразу, поскольку в первый момент один из моих гостей вытащил из папки крупные цветные фотографии, сделанные двумя предыдущими хмырями, и, приблизившись ко мне, стал неспешно сравнивать их с оригиналом, то приближая к глазам, то отдаляя их от лица. Другой, вытянув из папки ещё одну пачку фото, аккуратно разложил их на столе. Взяв одну, тоже приблизился. Теперь они уже вместе, поочередно заглядывая туда и сюда, медленно обходили меня по кругу, изредка тормозя и в отдельные моменты перекидываясь взглядами.

– М-м? – спрашивал один другого.

– У-у, – отвечивал тот, то ли соглашаясь, то ли отрицая предложенное.

– А-а... если... – всё же настаивал первый, после чего произвёл странный жест указательным пальцем, проведя им рядом с моим ухом сверху вниз, и, изогнув фалангу в конце траектории, вновь плавно повёл его обратно по вертикали. Дойдя до точки старта, разжал фалангу и всей кистью целиком прочертил в воздухе короткую горизонталь.

– Слишком радикально, – не согласился второй, – хватит ото.

– То есть... два блефаро, ото, и, возможно, генио?

– Ну да, – пожал плечами тот, что, скорее всего, был главный, – вопрос простой, даже не помню, чтоб так подпадало. Думаю, вполне может подвинуть удмурта, если там всё хорошо, – и ткнул себе пальцем в горло. Другой понятливо кивнул, соглашаясь:

– М-да, коллега, это вам не синяк, это продукт совсем иного замеса.

– Да просто подарок, хули там! – раздумчиво откликнулся первый, но тут же, кинув на меня смущённый взгляд, быстро поправился. – Извиняюсь, уважаемый, я хотел сказать, что по нашей части тут порядок, всё у вас хорошо. И даже ещё лучше.

– А по какой вашей части? – просительно заглянув ему в глаза, поинтересовался я, – и в каком смысле всё хорошо? Хорошо с чем?

– Вы лучше отдыхайте, – мягко улыбнулся второй, – дальше вам люди всё скажут.

И собрав папки, они энергично удалились.

Однако это был ещё не конец. После пятиминутной перемены возникла новая пара персонажей. Разумеется, в калёных же халатах, но уже со своей конкретной тайной. При зашедшем первым, пожилым, имелся врачебный набор, который я квалифицировал как носоглоточный. Потому что первым делом при помощи зеркала на длинном штыре он заглянул ко мне в глотку и долго там чего-то рассматривал. После этого проверил уши и попросил дышать носом. В это время молодежавый настраивал звукозаписывающий прибор высокой, судя по всему, чуткости. Он дважды щёлкнул пальцами, сначала отдалив их от микрофона, затем приблизив, и удовлетворённо качнул головой.

– Пойте, уважаемый, – обратился ко мне горловик, – прошу вас, что хотите, то и пойте. Хоть «в лесу родилась ёлочка» – сначала во всю возможную силу, а потом тихо.

– Зачем? – удивился я, – вообще-то я не пою, у меня со слухом, знаете ли, довольно хреново.

– Ну, знаете ли, родину ваш слух мало интересуется, – в тон мне ухмыльнулся пожилой. – Просто покажите голос, мне нужно понять силу, окраску, тембральные возможности, от низких, как говорится, до самых высоких. И что там с хрипами у нас, какая картина, если в общем и целом. Речью, это те, кому надо займутся, если понадобится, – благозвучием разным, темпо-

ритмикой, акцентами, интонациями. А вот подвижность, полётность и всё такое помимо главных характеристик, это уж, извините, моя работа. – И обернулся к коллеге, – Пишем!

Тот включил устройство, и доктор сделал мне знак глазами.

– В лесу-у-у роди-и-илась ё-ё-ёлочка-а-а... – заорал я как можно громче, и продолжил, – в лесу-у она...

– Достаточно, – оборвал меня пожилой, – а теперь – то же, но тихо, и сразу после этого дважды прошепчите весь куплет без передыха. И тут же проговорите нормальным голосом, чётко, желательно с расстановкой слогов на максимально чистом звуке. А потом резко выдохните и – скороговоркой, пять раз подряд.

Я выполнил, как умел. И повторил по его просьбе весь цикл, от и до. Он глянул на технаря.

– Нормально, – подтвердил глазами моложавый, – хороший сигнал.

– Ну что же, имеем небольшую трещотку... И скорей даже не её, а так, лёгкий песочек, – больше себе, чем мне, пояснил носоглоточный. – Это убирается. В остальном патологии не вижу, всё одолимо. – Он поднялся и начал складывать инструменты. Между делом поинтересовался у второго: – Дубль не нужен?

– Да нет, чисто, я же сказал, – мотнул головой напарник, – можно сдавать.

– Успехов! – выходя из процедурной, через плечо бросил мне доктор и исчез за дверью. Вслед за ним, упаковав свою кухню, испарился и звуковик. А ещё через пятнадцать минут вернулись те, первые, что подключали аппарат диализа.

– Всё, пациент, – сообщил почечный, – процедура окончена. Можете вернуться к себе в помещение.

Медбрат отсоединил энергопитание и покатил установку в угол. Я накинул казённый, в цветастый горох, халат и двинул в свою подземную обитель, куда занесла меня злодейская судьба в силу халатной нетрезвости, давнего нездоровья и личной неприкаянности.

Хотелось выглянуть в окно, я давно уже этого не делал. Оно, в общем, имелось: проём был выполнен по всем правилам оконного искусства, да и переплёты, собранные из чистого сухого дуба, не требовали лучшего исполнения. Тройное остекление также присутствовало, оставляя виртуальную надежду, что за ним существует нечто тёплое, прозрачное и живое. Именно так хотелось думать мне в эту минуту. Да только взгляд упирался всего лишь в бумажные фотообои с несменяемо весёлой весной, подсвеченной по периметру голубоватым сиянием, выпускаемым маленькими круглыми светильниками. Мои недавние посетители, насколько я успел ощутить, просто не видели меня в упор, держа за картонный манекен с годными для чего-то голосовыми связками, с мордой, подходящей для какого-то мутного блефаро, и никуда не годной единственной почкой. Они делали положенное дело, общаясь со мной согласно служебной необходимости и переговаривались на своём птичьем языке. Я уже хорошо понимал, что, по большому счёту, никому здесь не интересен: ни с этой стороны фальшивого окна – симулякра, куда эти так и не разгаданные мною люди завели меня с неведомой целью, – ни с той, где вместо солнечного света таится искусственный мрак, а вместо живительного кислорода распылён продукт его химической переработки. Где-то подо мной – минус седьмой горизонт, и я не в курсе, он ли в моём случае последний. Надо мной, на нулевой отметке земли, – огромная лужа с искусственно восстанавливаемой грязью – для пушей незаметности платформы, ведущей в преисподнюю. Слева же и справа от главной шахты скорей всего просто залежь обычной московской глины, которой так легко забить тебе рот в случае, если не совадешь внешностью, издашь неверный звук или же поделишься с миром ошибочной, пустой или вредной мыслью.

Из дневника Кирилла Капутина, полковника, бывшего сотрудника следственного отдела Московского Управления.

И вновь повезло, как раз в день окончания курсов оперативников, в феврале, помню, 92-го. Пришло два места на откомандирование в следственный отдел Московского Управления – работа по линии контрразведки. Больше не требовалось, какая теперь на хрен «контр», против кого «контр», от кого оборонять секреты нации – от новоиспечённых заокеанских друзей? Назначенный властью новый хозяин собрал высший состав, объявил свежую доктрину, – дружба с врагом, взаимоподдержка с ним же, общая борьба в русле объединённого прогресса.

О как!

И потому – повсеместное сокращение кадров Службы, упразднение идеологических подразделений, переориентировка на взаимодействие и доверительность. Вот и повезло, говорю сам себе, что не вышвырнули заодно с отменённой доктриной. И это не только фортуна, пацаны, – это за то, что вгрызался зубами, рвал челюстями, давил мозгом, слышал больше других, умел не меньше лучших, и успеха желал себе истово, зло, со страстью. Так учил меня Рабочий посёлок: сжал кулак – бей!

Так вот, два места: одно – моё.

Семь месяцев прослужил, вплоть до октября 93-го, когда всё и началось.

Счастливый перелом.

Для меня.

Для матери моей, которая по-прежнему на кране.

Для пацанов с Посёлка.

Для Ионыча, который теперь больше при мне, чем я при нём.

Я только потом понял, что сама природа затаилась. Ждала. Все ждали, весь мой народ.

Дождались.

И теперь с нами Бог!

Перед этим меж ними раздрай был такой могучей силы, – это я про новую власть и её Верховный Совет – что ни бзднуть, ни раздохнуть, братцы мои. Многие считают, что спаситель наш – генерал Галкин, развернувший вместе с танковыми стволами ход истории родной земли. Оно отчасти и так – кабы не он, тайный иуда, быть бы нам и теперь под Шевелюрой и его сателлитами, лакая проклятое хлёбово из несвободы, неравенства и безбратства. Оковы – не мы: это они – оковы моего народа. Но только и спаситель не он, если уж на чистоту, не этот двуличный урод, продавший офицерскую честь за должность и клочок вражьей земли уж и не помню где – то ли в безналоговом Монако, то ли на Лазурном берегу, с домом и прислугой, чистой, тамошной, вежливой, вышколенной, проплаченной из спасённой нами казны. Настоящий мой герой – генерал-полковник Адольф Мякишев, ставший в оборону от новой власти, возглавивший мятеж, призвавший народ к сопротивлению. И меня, кстати, словом своим зацепил, потому что я услышал и пришёл, как только они, дойдя до крайней ручки, решили атаковать Белый Дом. А там живые люди, патриоты, нами же избранные.

Столкнулись с ним у мэрии, 3 октября, когда мы сначала выламывали входные двери, а потом шли по этажам, сгоняя всю эту продажную чинушную камарилью в актовй зал. Поначалу я замешкался, честно скажу, когда один из наших женщину эту в чёрной юбочке прикладом шарахнул прямо в висок. Помню, перед этим выкрикнул ещё в ответ на её возмущение:

– Да ты сама, мля, паскуда позорная, и вообще пасть захлопни, сучара!

Она и завалилась где стояла, и никто не кинулся ей на помощь – ни из наших, ни от своих. Именно в тот момент Мякишев и засёк моё замешательство и, сунув мне в руки калаш, проорал:

– Ну хули застыл идиолом, давай, давай, двигай наверх, занимай позицию, троих возьмишь, расставишь по периметру, понял?

– Так точно, товарищ генерал-полковник, – по-военному отрапортовал я, хотя и был в штатском, – будет исполнено. Я ещё снайпер по душе, 98 из ста бью, так что мне лучше не калаша, а оптику.

– Служишь? – дёрнул подбородком Мякишев.

– Следственный отдел московского управления Лубянки, – ровно с тем же энтузиазмом отбарабанил я, – старший лейтенант Капутин!

– Молодец Капутин! – Он напутственно хлопнул меня по плечу. – Если не засланный, далеко пойдёшь. Мы своих за версту чуем, а ты, я смотрю, хоть и незаметный, как моль, а толковый, как иудей в окопе. – И заржал, по-доброму.

Именно тогда, в момент полной отчаянной неизвестности, я и вытащил тот билет, по которому жил и ждал своего часа. Не партийный, а этот, по жизни, который счастливый, если что. Собрался с духом, говорю Мякишеву:

– Адольф Михалыч, разрешите идею донести. Дайте двадцать секунд, изложу. Иначе, сами понимаете – всё может быть.

– Даю! – жёстко ответил он, – Время пошло!

Я уложился в пятнадцать.

– Итак, – говорю, – здесь оставляем два взвода – хватит, чтобы держать заложников. Остальными силами выдвигаемся в Останкино. По пути реквизируем грузовую технику, тараним вход, занимаем информационную студию, делаем воззвание-обращение к народу. Готов написать. Вы пока ищите генерала Галкина, первого зама, он, по нашим сведениям, продажный. Если б не события, мы бы его взяли ещё в сентябре, после разработки. Только Барашников не велел, у него на Галкина свой план был. Если он от имени министра танки повернёт, считайте, мы в дамках. Главное, сразу же Шевелюру арестовать, вместе с остальными, чтобы не успели опомниться. А Хабибуллина с товарищами – на волю. Да, и ещё не забудьте Галкину приличный бонус пообещать, он, говорят, на это дело падкий. Потом, если чего, обратно отберём, Адольф Михалыч, не вопрос.

Я намеренно вставил это «мы», имея в виду проверить реакцию Мякишева на сговор. Именно в такие спонтанные моменты решаются вещи ключевые. Кто сдавал курс по вербовке и провокации, тот меня, надеюсь, поймёт.

Мякишев аж на месте подпрыгнул. Заорал:

– Людей, живо, с сопровождением! – И мне, – Бери взвод и на двух БМП дуй на телецентр. Жди нас там, составляй воззвание. Как прибудем, с Галкиным или без него, прочту, выправлю если что, и на штурм! И лично зачитаю народу от имени всех патриотов! – И сунул рацию.

В общем, рванули мы туда. Пока ехали, обдумывал под тряску боевой машины сочинение на вольную тему. Руки-ноги тряслись – не от волнения, нет, от другого переживания: думал, вот оно, накатило, наконец, саму историю делаем.

Делаю!

А текст уже складывался в голове, сам, словно Бог его мне надиктовывал, наш, русский, хотя я что по русскому, что по литературе сроду выше трояка не поднимался. Ионьч, кстати, и сам в Бога люто верит, и мне советует. У него по груди и по плечам церкви да купола не просто так синим колером отмечены, и не только потому, что законник и авторитет, а ещё и по вере самой, по искренней справедливости, по специальному типу совести, присущей лишь сильным и надёжным.

В моей же башке в это время будто взрыв случился: мозги словно заново перемешались и в новую композицию выложились. Это как опилки, которые к магниту поднесёшь, а они тут же в чёткие линии выкладываются, сами, в определённый законами физики, жизни и дуги единственно возможный рисунок. Так и у меня: сам вдруг поплыл перед мысленным взором этот текст, тоже единственный, потому что все другие текстА, не успев начаться, тут же рассыпа-

лись на разные отдельные глупые слова, не несущие ни смысла, ни содержания. А остался один – вот он, привожу его здесь, в дневнике, хотя теперь его можно прочитать на каждом заборе, потому что он исторический:

«Граждане и гражданки великой Руси!

Злые силы хотят обмануть вас, незаконно присвоив власть, а заодно все богатства нашей Родины. Законно же избранные народом члены Верховного Совета, как и другие патриоты страны, в эту минуту томятся в заточении в Белом Доме, без света, воды, пищи и связи. Их обстреливают из танковых орудий и гранатомётов, они умирают, но не сдаются. Президиум Верховного Совета на основании действующей Конституции отлучил так называемого президента от власти, однако преступники не пожелали исполнить волю народа, нашу с вами волю, товарищи.

Братья и сёстры, Родина в опасности!

Скоро, очень скоро враги, узурпировавшие власть, и их танки уничтожат нашу последнюю с вами надежду. И следующими станем все мы – те, кто не готов смириться с нашептыванием вражеской силы – иначе этих людей и не называть. Захватчик коварен и хитёр, и он будет пытаться вновь обмануть вас, доверчивых русских патриотов, моих сограждан, москвичей. Не верьте! Выходите на улицы, на площади, собирайтесь в толпы, митингуйте, стройтесь в колонны, вооружайтесь как умеете, оказывайте любое сопротивление, протестуйте против величайшего из преступлений, цинично и нагло совершаемого на ваших глазах.

Я, Адольф Мякишев, русский патриот и боевой генерал, в этот страшный для Родины час являюсь законным исполнителем воли моего народа. И потому призываю вас, добрые русские люди, – не поддавайтесь на провокации, не отступайте. Не верьте лютomu врагу. Не просите у него пощады. И ничего не бойтесь.

Мы – русские! И потому враг не пройдёт и будет разбит!

Слава великой России!

Победа будет за нами!».

Шесть грузовиков – четыре Камаза и два Зилка, которые мы по пути в Останкино реквизируем у населения – по существу негодились. Мы просто выстроили их в линию, перекрыв входы-выходы из здания. А БМП развернули мордами к окнам.

Через полтора часа после того, как я дважды считывал и выправлял воззвание, раздался лязг гусениц, и с десятков танков и шесть БТР-ов, ревя моторами и чадя густо-синим, пошли по Академика Королёва. Из забаррикадированных входов первого этажа им приветственно махали несдавшиеся блокадники. Слышал, как один, щуплый, в очках и триколором в руках, орал через открытое окно:

– Сюда, братья, сюда, родные наши! – пребывая в уверенности, что помощь близка. Что Дом Советов, оплот и цитадель антидемократии, взят, и танки, осуществив главную задачу по выкуриванию сопротивленцев из Дома, выдвинулись в сторону защитников телецентра.

Щас!

Я выскочил из боевой машины пехоты и, размахивая свежесочинённым возванием, ринулся навстречу Мякишеву. Чёрт его, конечно, знает – то ли это был он, а то ли, наоборот – не пошедший на подкуп Галкин, решивший воспользоваться ситуацией и разыграть совершенно убийственную карту двойного назначения. Рация шипела, разобрать что-либо было невозможно, и потому мне оставалось лишь надеяться на торжество человеческой подлости. Это я о Галкине. Но внутри себя на все на сто был уверен, что тот поведётся, – на том ведь стоим, братцы, особенно в смутные времена переломов.

Так и вышло. Как только в поле моего зрения обнаружилась колонна, я тут же увидел и недостающее – голову и плечи нового лидера нации, моего будущего шефа, возвышающиеся над башней головной машины. Надо сказать, танкистский шлем ему, в общем, шёл, потому что без этого специального убора его плешивая, совершенно не закрываемая фуражкой отворачи-

тельно шишковатая башка никоим образом не соответствовала представлениям любого доброго человека о руководителе вооружённого восстания – воине и главнокомандующем.

Завидев меня, Адольф выбрался через башню, соскочил с брони и сходу спросил:

– Написал?

Я протянул ему рукописный листок и, в свою очередь, озадачил встречным вопросом:

– Ну что, он с нами, товарищ генерал?

– Не видишь разве, – пробормотал Мякишев, неотрывно поедая мой текст глазами, – слепой что ли, старлей?

Танки, выстроившись в линейку, ждали любой команды, от своих или чужих. Всё окончательно перепуталось в головах и мыслях командиров и заряжающих. Ещё недавно они разрывными обстреливали Дом Советов, однако спустя короткое время поступил приказ о перебазировании и занятии других рубежей: с дислокацией через городской центр и сменой самого противника.

– А что с заточенцами? – не угованивался я. – Они-то как? Где?

Адольф дочитал бумагу, хмыкнул под нос и задумчиво произнёс:

– Знаешь, даже я бы не сочинил лучше. – Только надо «россияне» или «российские» переписать на чётко «русские». В остальном утверждаю. Молодца, полковник, натурально молодца!

Не скрою, растерялся. Немая сцена, как в кино. Понимал, само собой, что заслужил, но чтобы так скоро, разом через четыре звания прыгнуть, к тому же от пока ещё не до конца легитимного главнокомандующего? Однако виду не подал, вытянулся в струну и отбил словами, как ж/б блоками:

– Слу-жу Ро-ди-не!

Мякишев удовлетворённо кивнул. И тут же развил тему:

– Они там пока ещё в Доме, но Галкин сказал, сам доделает, теперь ему деваться некуда, атаману. Там вопрос часа на полтора, не больше: как только свежие таманские подтянутся и его личный спецназ. Так что мы с тобой тут займёмся, а они – там.

– Так оно надо нам теперь, воззвание это? – озадаченно спросил я, – для чего же людям в толпы собираться, зачем митинговать? Глядишь, поубивают друг друга под такое дело?

– Ну это всегда не лишнее, – раздумчиво покачав головой, не согласился генерал, – ты, полковник, хоть и шустрый, и ловкий, как вижу, и умишком бог не обидел, а только главного покамест не усвоил.

– Это вы о чём, Адольф Михайлович? – сосредоточился я, немного уязвлённый таким замечанием. Хотелось несколько большей оценки моего личного вклада в предстоящую победу над уродами. Хотя бы на первых порах.

– А о том, друг мой Капутин, что чем больше страшного для людей натворишь, тем самому же потом проще будет ими управлять. Такой у природы закон. Только не у той, где цветочки да хорёчки разные, а у нашей, человеческой.

Сопротивления не было, никакого. По команде Мякишева танковая колонна синхронно развернула орудия в сторону телецентра, после чего два взвода автоматчиков спокойно прошли внутрь и напрямик направились в аппаратную информационной студии Первого канала. Мы шли следом. По пути Мякишев, шевеля припухшими от волнения губами, долбил мой текст: сам же я в это время уже прикидывал дальнейшее развитие событий. Главным всё ещё оставалось нейтрализовать Галкина или же убедиться в его окончательной преданности. И куда-то деть арестованную нами власть: то ли заточить до лучших времён, то ли сразу расстрелять по-тихой, списав на особое положение дел по спасению Родины. Ну и разобраться с бывшими заточенцами – другой веткой власти, которую требовалось теперь обойти культурно, но жёстко. Я понимал, что наилучший вариант в предлагаемых обстоятельствах это ещё через пару часов

объявить народу, что к власти пришли военные из патриотов. То есть мы с Мякишевым и всей армией под его началом.

Ещё через пятнадцать минут всё было готово для внепланового эфира экстренной важности. После этого вещание было прервано, и крупный план Адольфа Мякишева, в полном генерал-полковничьем облачении и танкистском шлеме на месте привычной фуражки зачитал народу Руси, великой и неделимой, сочинённый мною текст. С той самой бумажки, которая, будучи помещённая в объёмную золотую раму, висит теперь рядом с ещё одной такой же на видном месте в Георгиевском зале Кремля. Точно так всё, наверно, происходило бы во времена какой-нибудь Французской революции. Или при Минине и Пожарском. Не говоря уж про какую-нибудь там мутную столетнюю войну Алых и Белых роз. Смута она и есть смута. И Родина – всегда тоже Родина: была и навсегда ею останется, хоть ты тресни – чего ж вы хотели?

6.

Когда пришёл срок, они прибыли как всегда, без предупреждения. Сделали укол, после чего переместили меня на каталку и повезли в неизвестном направлении. Как ехали и куда приехали, не запомнил. Знаю лишь, что когда открыл глаза, был вполне при сознании. Разве что чуть-чуть ощущал сухость во рту и ещё как-то непривычно тянуло в правом боку.

– Вот и прекрасно, Гарри Львович, – произнёс приятный голос. Мы находились в той же процедурной, где надо мной измывались прошлые костоломы.

– Это вы меня резали? – спросил я, разлепив губы.

– Точней сказать, делал пересадку, – улыбнулся он. Ему было под полтинник, и он явно не был похож на всех предыдущих. Во всяком случае, не обращался ко мне «уважаемый».

– И что теперь, доктор? – спросил я. – Как дальше жить буду?

– Ну насчёт этого особенно не беспокойтесь. Уверен, в вашем случае обойдётся без отторжения.

– Так вы мне одну вставили или всё же обе? – побормотал я, вспомнив вдруг свои прошлые страхи насчёт всяких экспериментов.

– Ну что-о вы, миленький, что-о-о вы, право дело, – успокоительно протянул голосом врач, – одну, разумеется, всего одну почку вам и поменяли. Врастить вторую туда, где её давно нет, дело крайне опасное. А в вашем случае, насколько мне известно, риск не допустим вообще никакой. Только в крайнем варианте – если нечто экстраординарное будет иметь место. Слишком дороги вы нам, Гарри Львович, вы же в своём роде уникум – по всем параметрам практически идеально соответствуете главной задаче. А за здоровье не беспокойтесь – имунку сначала опустим, потом поднимем как следует, а пока стероиды покушаете, всё необходимое у нас, как вы понимаете, имеется, самое лучшее: швейцарские препараты, израильское оборудование, шведский инструментарий. – Он мягко, по-айболитовски улыбнулся. – Ну и диеточка, разумеется. Неделька – другая, и по нашей части вы в полной готовности.

– В готовности для чего? – в очередной раз не понял я, – мне постоянно твердят о какой-то сверхзадаче. Напекают, пульсы щупают, уши выворачивают наизнанку. А в курс дела так и не ввели. А я, честно говоря, устал гадать – то ли в разведку забрасывают, то в космос готовят, то ли предсмертные желания пытаются упредить. Долго мне ещё так, доктор?

– Сразу после вмешательства, – пожал он плечами, – насколько я в курсе, вам ещё предстоит косметическая хирургия и небольшая коррекция связок. – Он поднялся и прощально кивнул, – Завтра потихоньку начнёте вставать, Упырёв пришлёт брата, тот будет помогать.

– А сестричек у вас совсем нету, – я в надежде посмотрел на него, – вообще никаких, даже заваливающих? Могли бы вообще-то позаботиться, раз уж я так вам всем соответствую.

Хирург внимательно посмотрел на меня и внезапно захохотал. Смелся долго и заливисто.

– Ну уморили, Гарри Львович, просто уморили, – он продолжал хохотать, одновременно взмахивая руками и промакивая платочком глаза, – нет, ей богу рассмешили, давно меня так никто не веселил. Отсмеявшись, сказал:

– Что ж, доложу по команде, может, и правда пойдут вам навстречу в виде какого-никакого аванса.

На прощанье доктор произвёл вежливый короткий полупоклон и удалился.

Вскоре доставили таблетки и диетпитание. И подложили утку, попутно взяв анализ мочи. Ближе к вечеру к утке добавили эмалированное, местами и обшарпанное судно времён очковских и покоренья Шипки, после чего медбрат, дождавшись результата, тщательно обмыл меня по типу живого покойника. А ещё через час зашла санитарка – пожилая толстая тётка с небольшими усиками, тянущимися вдоль всей верхней губы. Для начала она произвела влажную уборку под свет бактерицидных ламп, после чего, отложив уборщицкие причиндалы, приблизилась, слегка нагнулась и, ни слова не произнеся, с выражением служебного равнодушия на маске-лице запустила руку ко мне под одеяло. Я даже не успел как-то отреагировать. Нашупав моего скукожившегося от страха пацанёнка, тётка энергично заработала рукой так, словно подключила к моим чреслам бесшумный отбойный молоток. Странное дело, в иных обстоятельствах меня скорей всего вырвало бы лишь при одной мысли о подобном варианте испытания на мужскую доблесть. Теперь же, находясь в послеоперационном отходняке, не имея перед собой ясной цели в жизни, к тому же находясь в подземном хранилище для подопытных невольников, я испытал настолько приличный оргазм, что, освобождённо выдохнув, только и смог, что смущённо пробормотать:

– Благодарю, уважаемая...

– Это к товарищу Упырёву, – так же безразлично, как и осуществляла молотильный процесс, отмахнулась тётка, – нам сказано – мы делаем. Не сказано – не делаем. – И вышла, прихватив средства санитарии и гигиены.

Так прошла неделя с небольшим. Всякий последующий день практически ничем не отличался от первого послеоперационного, за исключением отменённых утки и судна. Почка плавно заживала и почти не беспокоила. Ясно, что показатели были в норме, хотя мне об этом не сообщали: просто регулярно брали анализы, очень прилично кормили напроць забытой едой и ждали дня готовности следующей ступени. Дважды, правда, на неделе заходила усатая санитарка: в первый раз я по старой памяти молча перенёс экзекуцию, даже не сказав спасибо. Во второй – вёл себя тоже бессловесно, но уже отказал ей, отведя её шершавую трудовую ладонь от моего бедра и поклявшись себе, что на этом месте я ставлю решительную мужскую точку. В конце концов, после первого ошеломления большой разницы в таком персональном подходе я уже не находил. С этим же успехом подобную манипуляцию вполне можно было доверить и товарищу Упырёву.

Ожидаемое событие произошло ещё через пару дней тупого смотрения в фотообои. Вновь перевезли в операционную, где меня ждала та самая парочка в белом, что ещё недавно так тщательно изучала мою внешность, заставляя хмурить брови, поджимать губы и тут же растягивать их в беспричинной улыбке.

– Сразу и начнём, – вместо приветствия сообщил первый. В это время второй соединял вену с капельницей. А потом я провалился. И ещё долго летел вниз, изучая в полёте структуру трещиноватой шахтной глины, что проносилась слева и справа от моих глаз. Дна не было, как больше не было и верха. Это было парение в никуда. Потом вдруг стало светло, как это бывает при внезапно включённом свете после просмотра чёрно-белого фильма, где действие происходит глухой и безнадежной ночью. И тут мне заулыбался дед, Моисей Наумыч Дворкин. Почему-то он был в белом халате и резиновых перчатках, а к голове вместо кипы был прицеплен держак с мощным увеличительным объективом. Дедушка ободряюще кивнул и спросил не своим голосом:

– Как вы, уважаемый? Просыпаемся, просыпаемся...

Лицо моё было забинтовано от верха шеи и до центра макушки. Оставлены были лишь две небольшие дырочки для носового дыхания и незначительное отверстие в области рта. Вероятно, для заливки через воронку питательного бульона и отсоса лишней слюны. Для глаз также были предусмотрены два выреза в широкой, полностью перетягивающей лицо эластичной повязке, заодно прижимающей к голове и частично обновлённые уши.

– Мы, знаете, решили сильно не мучить вас, уважаемый, – сообщил мне доктор, окончательно убедившись, что я пришёл в себя. – Осуществили разом все вмешательства: и по ушкам, и по глазкам, и круговую заодно. Шеечка чуть-чуть выпадает в нижней части, но это, мы решили, не актуально – легко скрывается за одеждой. А так... – он прищурился, отступил на шаг и вновь приблизил ко мне лицо, – уверен, через пару неделечек снимем шовчики, отёчек уйдёт, будете как новенький.

– Чтобы чего? – напрягши губы, прогундел я в дырочку.

– Так вам ещё не сказали? – удивился хирург, и я понял, что он не лукавит. Впрочем, развивать тему он тоже не стал, уклонился.

– Короче, по нашей части, можно считать, всё, – вступил в разговор второй: судя по всему, ассистент. Отдыхайте, уважаемый. Дальше товарищ Упырёв сообщит, когда, кто и чего.

Упырёв не появился и не сообщил. Вместо него, не дождавшись истечения обещанной пары недель, за меня принялся горловик. Сначала свозили на томографию гортани, затем ввели в искусственный сон, откатили в операционную и уже там он, мастер носа и горла, ковырялся в моей глотке, слой за слоем удаляя лишнюю ткань и меняя в нужную сторону анатомию голо-совых связок. Заодно убрал и крохотный полипчик, неизвестно в какие времена вжившийся в горло. А когда я очнулся, бодро проинформировал:

– Если брали две октавы, уважаемый, теперь вам чётко гарантируется три. И повыше будет голосочек, повыше, так что не удивляйтесь, когда себя услышите. А так... попали с вами тютю в тютю, после полного восстановления ужасно довольны останетесь. И там, я уверен, тоже на нас не обидятся, – он многозначительно глянул в потолок, – глядишь, к праздникам двойной заказик огребём, с зефиром и копчушкой. – Горловик мечтательно вздохнул, но и добавил назидательно. – Ну и позаниматься придётся, конечно же, тут уж никуда. Дадим список дыхательных упражнений с перечнем по артикуляционной гимнастике. Дальше – по ситуации. Надо будет, переделаем в любую сторону, подрежем, укоротим. Импланты, если что, биополимерные имеются, самые современные, только-только свежая партия с ИзрАиля поступила – в инвалюте платим, вы не думайте.

Чувствовалось, ему хотелось поговорить, на любую тему. Вероятно, долгое пребывание на подземной службе делает встречу с каждым попавшим сюда с воли персонажем особенно желанной. Иначе, прощаясь со мной, этот в общем-то приятный на вид носоглоточный хирург не поинтересовался бы такой малостью как погода выше уровня земного нуля. А этот не выдержал, спросил-таки. А ещё, заметно понизив голос, промычал сквозь полусжатые губы. – Ну а вообще, чего там наверху – жизнь-то идёт или как?

Впрочем, вовремя спохватившись, он не стал ожидать реакции на свой мутный закидон и, впопыхах пожелав скорейшей поправки, покинул операционную. Я же так и не успел задать ему встречный вопрос, мучающий меня уже столько времени, начиная с того дня, когда меня, нетрезвого и печального, обнаружили уткнувшимся мордой в сугроб, без каких-либо чувств и единственной кроличьей шапки.

Из дневника Кирилла Владимировича Капутина, временного полковника вооружённых сил России.

После исторического выступления Мякишева народ словно обезумел: кто-то, давно ожидавший подобного сигнала и верного сильного слова, немедля двинул на улицу, ища любого выхода многолетне затаённой ненависти ко всем и вся, уж я-то знаю по долгу службы. Иные, из тех и других, но душевно управляемых, тоже сдвинулись с мёртвой точки, не усидели. В этом и был мой личный расчёт – именно так старался я собрать слова воззвания, именно в такую затейливую кучу, чтобы любым смыслом, вычитанным и выслушанным, нашлось место в сердце каждого более-менее равнодушного человека, если он только не полный идиот. Остальные, равнодушные, меня не интересовали – с ними, как известно, история не делается. А так, коль считаешься без лишних премудростей да ощутишь силу Слова, то сыщешь для себя практически всё: сталинисты отзовутся на «Родину», «Победу» и «Враг не пройдёт». Законники – на Конституцию и бесправие. Интеллигенция – на силы зла против сил добра, и всё такое. Патриоты – на шанс снести бОшку проклятушим либерально ориентированным умникам. Националисты – те, не разбирая дороги, двинут за «Русь» и всё попутно русское. Отморозки и хулиганы – не пройдут мимо случая потолкаться и побузить, высвободить незаконно удерживаемую властью энергию протеста. Мужики – в поисках любой годной делу реализации способностей, бабы – в поиске мужиков. Всем, короче, по серьгам, но каждому – свои. Вопрос в том, как верней изловчиться, чтоб подмять народный выхлоп под себя.

То, что нечто началось, мы с Адольфом поняли уже в тот момент, когда покидали телецентр. И забравшись в БТР, резко взяли на Дом Советов. Прежде всего надо было выяснить, как там у Галкина с осаждёнными парламентариями. Но я и так уже понимал, что они на свободе, без вариантов. Из первоочередного оставалось решить вопрос с Министром обороны и как можно скорее привлечь на свою сторону силовые ведомства. «Менты – пустое, – подумал я, – куда прикажет начальство, с тех и слупят. Их министр всегда был пешкой, тем более засветился на преданности Верховному совету и потому скорей всего он уже под ними, если те на свободе». В общем, отсюда ждать опасности не следовало. Я поделился соображением с Адольфом, и тот согласился. По большому счёту, под вопросом оставалось лишь моё родное ведомство. Кто там, с кем, что предприняли, на чьей стороне? Рядом, конечно, имелась дивизия Дзержинского, ну и по мелочи ещё – всякие отряды связи, охраны, спецопераций. Но всё это труха по сравнению с регулярными армейскими подразделениями, коль те на нашей стороне. Однако тревога всё же не отпускала. За эти несколько безумных часов я, начинающий защитник Родины, младший офицер Службы безопасности, в одночасье, словно гомункул какой, обратился в зрелого, умудрённого мгновенным жизненным опытом полковника, замутившего переворот в своём неласковом Отечестве. Потому что, главное дело, не надо этих сдержек и противовесов, о каких учит упадническая психология. Основа жизненного успеха – максимально поссорить баранов, развести их как можно дальше и с разбегу стукнуть по возможности сильней: такова наука побеждать от Ионыча и его лучшего ученика, выпускника курсов оперативной спецслужбы. И тогда всё у нас получится, я знаю.

У ворот ВДНХ и отдельно у подножья королёвской ракеты, буйствуя, негодовала толпа. Кто-то успел в кровь разбить морду другому, кто-то наседа на соседа по толкучке, буяня и доказывая преимущество коммунистов над фашистами. Третий, взобравшийся на ракетный пьедестал, в это же время выкрикивал лозунги в поддержку красно-коричневых. При этом орали все, а кто-то ещё и рвал гитарные струны, ревя то ли новым Высоцким, то ли старым гимном на новейший лад.

Короче, всё шло по плану. Мы с Мякишевым понятливо переглянулись – начало смуте было положено, и это было главным достижением на этот час. Не задерживаясь на окраинных мелочах, мы рванули в центр, не тормозя на красных светофорах и на всякий случай время от времени постреливая в небо через верхний люк. Сзади пристроился танк, получивший приказ не отставать. Остальные двигались следом, но уже по возможности аккуратно, колонной, соблюдая правила и не пугая окружающих, как это делали мы с Адольфом Михалычем. Стран-

ное дело, в эти исторические минуты я уже почти не чувствовал его превосходства. Наоборот, в ходе событий, случившихся – о, нет, свершившихся! – за последний час, мне казалось, что это он уже больше вслушивается в мои слова, пытаюсь не пропустить важного, а не я в его. Но только не подаёт вида. Господибоже, ну как приятно-то! Жаль, Ионыча рядом нет, он бы оценил, а после, глядишь, ещё и пригвоздил бы Адольфа коротким ёмким словом, как только он один умеет делать.

Ещё через пятнадцать минут весь город стоял. Машины, оказавшиеся не в том месте и не в то время, народ побросал – кто как. Многие, узнав об обращении к народу мятежного генерала, возликовали. Остальные, кто больше сомневался, чем внутренне поддерживал, казалось, выжидали, но с улиц не уходили. Видно, мысленно перебирали варианты любой победы, не желая даже на этом раннем этапе быть причисленным к меньшинству. Повсюду бродили группы возбуждённых горожан, ища единения: отовсюду неслись крики радости и отчаянья, народ перемещался волнами, растекаясь неровным киселём на отдельные ручьи и вновь сливаясь на площадях в мощные неуправляемые потоки. Искали того самого сопротивления, к которому призвал бесстрашный Мякишев в шлеме танкиста. И не находили. Милиция безмолствовала, армия, судя по действиям вооружённых подразделений вблизи Дома Советов, перешла на сторону народа. На нашу. Спецслужбы, видя такое дело, затаились, ища выхода из создавшегося положения.

Мы успели застать. В тот момент, когда наш БТР, пробравшись через обломки временных заграждений, подкатил к Белому Дому, галкинские бойцы под восторженный рёв толпы уже выводили заточенцев из здания. Лица депутатов и примкнувших к ним из числа несогласных с головной властью членов правительства были залиты светом армейских прожекторов, направленных со стороны Москва-реки. Вице-президент, тоже освобождённый, растерянно и немного глуповато улыбаясь, делал народу ручкой. Председатель Президиума шёл ровно, стараясь держать достоинство недавнего узника, пострадавшего за весь народ сразу. Затем остановился, качнулся, попросил воды. Стал пить её жадно, работая кадыком, будто хорошо смазанным поршнем. Допив бутылку, отбросил её в сторону, прокричал стоящим вокруг:

– Граждане России, объявляю внеочередной съезд народных депутатов! Подробности завтра!

Думаю, в этот момент выпущенная на волю законодательная ветвь была ещё не в курсе той роли, какую сыграли я и Мякишев в деле освобождения Родины из-под ига захвативших её либерально настроенных капиталистов-демократов. И потому мой полковничий статус, ещё толком не успевший обрасти наградами и орденами, мог быть легко отменён вернувшими себе права народными избранныками. А уж этого мы с Адольфом никак допустить не могли.

Из дневника полковника Капутина, Первого Советника Временного Главы России. Продолжение.

Продолжаю записи, как только возникает короткий передых, а то всё категорически некогда. Никогда ещё за время, проведенное в органах, спорте, политике и раздевалке, я так не переживал, хотя, как известно, первое правило русского чекиста – «не верь, не бойся, не проси». Так вот. Не верил и не верю никому – с этим всё как-раз обстоит нормально, потому что избранной народом власти я и так никогда не доверял: известно, как её выбирает народ, кто он есть и в силу какой привычки опускает добрую волю в щель. Насчёт «не бойся» – здесь, скажу я вам, совпадает не полностью. Потому что боюсь. Но лишь одного – не успеть увидеть Родину счастливой, очищенной от наслоений и мерзот, от лишних и вредных ей людей, от подлостей несправедливой власти и от разъедающего душу граждан капитала. А ещё – «не прошу», никогда. Только у Всевышнего, разве что. И у Ионыча иногда, когда Бог не сразу откликается на зов.

Кстати, о нём, о бате, заменившем кровного отца. На другой же день повстречались. Сели, потёрли, как раньше, – по-нормальному. Ну я и рассказал, как было – про Мякишева, про то, как писал воззвание, которое слышал весь народ. Про то, что не у дел с ним остались, потому как вырученные из плена никак не отреагировали на наше двойное с Адольфом героичество, приписав героические заслуги чисто маршалу Галкину. Он у них с сегодняшнего дня Министр обороны. А старый – под арестом, вместе с остальной камарильей.

Ионыч задумчиво почесал за ухом, прикинул чего-то там у себя голове и говорит:

– Чисто шерстяной беспредел, Кирюша. Галкина надо убирать, лучше тачконуть через подставу и в трюм, там ему фанеру обломают, а после зашкворят, если надо. А Адольфа временным паханом ставить. Покамест. Пока не решим, чего дальше делать.

Короткого батиного слова хватило. Дальше заработал собственный мозг, и я тут же сообразил, на что брат Галкина.

С Мякишевым, изрядно расстроенным тем, в каком направлении пошли победные дела, мы встретились тем же вечером, в раздевалке у Ионыча, для конспирации. Тот без звука одолжил ключи, понимая, что на кону судьбы России, не меньше. План был мой, реализация – Адольфа. Трудноисполнимой частью продуманной в деталях операции являлось то, каким образом выманить маршала на встречу с его ближайшим конкурентом по месту на Аллее Славы генерал-полковником Мякишевым. Эту часть, однако, Адольф Михалыч ответственно брал на себя. Главное было, качественно записать разговор. Насчёт остального, время покажет.

Вопреки сомнениям, на призыв Галкин повёлся, причём сразу. Даже в угаре недавних событий не успел забыть о посулённом Родиной Лазурном рае на гектарном холме. Принял у себя, в кабинете Министра обороны. Адольф Михайлович начал по-деловому, но и при всём уважении.

Сообщил:

– Никто не забыл об имевшемся договоре, товарищ маршал, и потому мне поручено приватно обсудить с вами варианты благодарности за ваше вмешательство в отстаивании идеалов. Спасение Родины – это чрезвычайно ответственно и будет вознаграждено, как было обещано.

– И какие же варианты родина имеет предложить, генерал-полковник? – вальяжно раскинувшись в мягком кресле иноземной работы, поинтересовался Галкин.

– Тут мне подсказали, их два, товарищ Министр, на ваш личный выбор: земля в безналоговом Монако плюс дом и прислуга – всё за счёт казны. Или же гектар на Лазурном берегу, тоже с домиком под тыщу квадрат, на холмике, с видом на лазурь, и тоже за казённый счёт, само собой, но только уже без последующего содержания. Потому что там честные, мать их ети, налоги. Так Минфин пояснил. Тоже приватно, конечно. Ответ хотят не позднее завтра, пока съезд не прошёл, сами понимаете. Дальше никто ничего не гарантирует, потому что ещё не понятно, кто у власти. И чей, как говорится, будет карман.

Маршал задумался. Потом уже Адольф рассказал мне, что и сам в те минуты сидел словно на иголках – в критический для родины момент решалась судьба и глубоко личная, и любая остальная. Вариант собственного ареста он также не исключал, но отчего-то допускал подобную вероятность лишь в последнюю очередь.

И дрогнул Галкин, не устоял, как это и предвидел наш мудрый самбист, будучи знатоком человеческой природы на самом тонком уровне.

– Значит, давай Лазурную берём, – в итоге обозначил свой выбор Галкин, понизив голос, но не настолько, чтобы устройство не записало, – мне этой ихней услуги-прислуги, если честно, на хер не надо. Своими силами обойдёмся. Вывезу отделение интендантов с Хозуправления, прикомандирую по визе, а после на других перемену, когда срок выйдет. И Монако этого не хочу, я там враз весь гектар этот спущу и остальное в придачу. Знаю себя, слабый на рулетку – так что лучше с налогом, но и без риска. Минфин теперь по-любому под нами,

спасителями. Короче, передай, что на холме беру, и точка. Услуга за услугу, как говорится. И пусть оформят как положено, я после скажу, на кого.

На прощанье Адольф Михайлович выторговал у Министра вооружённую охрану на пару дней и военный транспорт для передвижений по городу на период утряски с Минфином его же, галкинского, вопроса.

На том и расстались. На этом же и встретились, но уже мы – я, Ионыч и Мякишев. И снова там же, в раздевалке спортзала для самбистов. Ионыч вообще считал, что раздевалка лучшее место для всего на свете: самое намоленное, самое чистое и открытое для любого толковища и последующей скрепы договора. Человек там, по сути, обнажённый, без ничего, включая исподнее, и потому его сразу видно, всякого, – что у него там на голом, одним лишь стыдом прикрытом уме. Хорошо врать и ловко стесняться мало кто умеет одновременно, кишка не сдюжит – частенько напоминал Ионыч. И мы ему верили. И, видно, не зря я в этот раз решил пригласить и его. Прикинул, что хуже не будет, если два пожилых дядьки, каждый со своей могучей историей нелюбви к режиму, хотя и в разных областях противостояния, смогут выработать единую точку приложения зрелого разума. Я же, если что, буду рядом.

Собственно, так и вышло. Ионыч послушал запись беседы, покачал головой и вынес умнейший вердикт:

– Вот я скажу вам, пацаны. Этот фуфляк надо бы до ушей каждого фраера догнать. По главному каналу, вместо передачи «Время». Сказать, слушай, мол, народ, вот кто на волне нашей победы пришёл к власти: продажная сволота, рвачи в погонах, предатели за народный счёт. И в Минфине такие же, выходит: как сидели, так и сидят, пилят да выгадывают. Родной торгуют. – Он пристально посмотрел в глаза Мякишеву: – Ты меня понял, генерал? – Тот утвердительно кивнул. А Ионыч продолжил. – Так вот. Скажешь, пока не поздно, что, мол, люди русские, объявим давайте досрочные выборы президента. И всё такое. И тут же ты предложишь себя, типа в кандидаты. Под горячее. От всего честного народа. Просёк, командир?

Адольф просёк, даже очень. Как и я. Признаться, к нашей встрече у меня тоже имелась парочка вариантов, но точно, что не таких ясных, цельных и настолько радикально выверенных с точки зрения истинного патриота. То, что предложил Ионыч, прежде всего было красивым, гармоничным, доведённым до крайней точки народного закипания и потому несло в себе совершенную убойность результата по любой шкале. Лучше не придумаешь.

Почему-то я был спокоен как никогда – приблизительно так, как это было у меня, когда я впервые забрался на материн кран. Если думать про это, то страшно. А если просто делать, не глядя вниз ни с какой высоты, то нормально. Как и было мне сейчас. Оставалось лишь придумать текст второго по счёту экстренного обращения к нации. Чем я тут же и занялся, пока старики-разбойники общались на бильярде, через стенку от раздевалки. Я не спешил и не дёргался, тем более что снаружи ожидало приданое в наше распоряжение вооружённое подразделение круглосуточной охраны.

Через какое-то время я зачитал им текст, изначально сделанный с учётом конкретно русского фактора. Мякишев не нашёл чем возразить и принял всё как есть. Ионыч накоротко поразмышлял, но в итоге тоже согласился, выправив пару фраз в сторону некоторого разогрева человеческих слабостей. Мы уже не успевали к программе «Время» и потому очередное взятие Останкино было решено перенести на другой день.

Потом расстались. Я двинул к матери на Рабочий посёлок – готовиться к завтра, а мужики остались доигрывать партию. Они явно пришлись друг другу по вкусу, и отдельно – по душе. И – ясен пень – это опасное обстоятельство не могло меня не беспокоить.

7.

Скажу искренне: последние две недели моей вынужденной подземки протекали в полной печали. То ли я уже физически устал и душевно вымотался от всей этой непонятки. То ли

это таинственное презрение ко мне, как к отдельной человеческой единице со стороны непонятных сил, превзошло, наконец, отпущенную норму личного терпеха. Или, быть может, моя затянувшаяся ипохондрия стала результатом отсутствия общения с нормальными, доброжелательно устроенными людьми, пускай и непьющими, но, по крайней мере, сделанными из молекул, схожих с моими.

Не могу сказать с уверенностью. А только знаю, что от отчаянья я дважды допустил до тела усатую санитарку, ненавидя её, а заодно и самого себя. Правда, не до всего тела, а лишь до... Ну в общем, понимаете. Хотя, даже с учётом того, что моя собственная клятва во мне же самом и обломилась, меня тоже можно понять, если только захотеть. Пока окончательно зарастали швы на моей частично подрезанной физиономии и сходило на нет послеоперационное раздражение в глотке, со мной не общались, никто. Просто приносили таблетки, еду, иногда брали анализы и молча исчезали, прихватив посуду. Наверное, выжидали перед новой стадией измывательств. Однако спустя какое-то время, когда затянувшаяся пауза начала становиться измывающей и совершенно нестерпимой, они возникли разом, все, в очередь. Мои прежние костоломы. И каждый произвёл сверку по своей мучительской части.

Первым был психиатр. Это я только потом понял, что моя финальная отсидка также являлась довольно важным тестом на психическую устойчивость. Которую я, как выяснилось, не с блеском, но прошёл – с учётом фотовидеофиксации поведения в замкнутом пространстве. О камерах я, разумеется, был не в курсе, как и обо всём прочем.

Потом объявились эти оба, какие работали с ушами и лицом, устраняя у меня лёгкую лопухость и загоня остальную физиономию в кем-то предписанный стандарт. Тоже, надо сказать, остались довольны: и как зажили рубцы, и как спал отёк, и обобщённым результатом по существу основной задачи.

Напоследок прибыл глоточный, самый условно приятный из всех, если заведомо понизить оценочную планку метра на полтора. Дал бумажку, попросил зачитать с выражением и без, сначала громко, затем тихо. Потом – прошептать содержимое. Покачал головой – то ли просто радуясь результату, то ли восторгаясь им же. И ушёл. Но перед этим протянул головной убор из белой ткани – нечто среднее между куклус-клановским колпаком и защитной маской пчеловода с сеткой против глаз.

– Наденьте! И не снимайте, пока не скажут.

Всё!

Этот день стал началом конца. В смысле, финалом моего подземного острога с его весёленькими фотообоями и вечной весной внутри оконного симулякра, с искусственным воздухом, неласковым персоналом и – отдельно от всего – усатой, пахнувшей хозяйственным мылом и карболкой санитаркой в летах.

Наряд, что прибыл меня забирать, был другим: посерьёзней лицами, не в ондатре и без каракуля, но тоже состоял из двух пасмурных и молчаливых шкафов в гражданском. С ними не было никого из местных подземщиков: ни полковника Упырёва, ни кого-то из сопровождающих.

Всё повторилось ровно в обратном порядке: прошли длинным дугообразным коридором, минуя череду одинаковых дверей без названий и многочисленных видеокамер, следящих за всем живым и мёртвым. Дойдя до приёмной площадки, мы заняли места в бронированном, неизвестного происхождения автомобиле с затемнёнными стёклами, после чего платформа вздрогнула и плавно пошла вверх, в сторону спасительной нулевой отметки. Затем опять была маскировочная лужа, мутная вода из которой по команде сработавшего датчика моментально исчезла в отводах боковых дренажей. Вслед за этим отъехала в сторону и многотонная стальная задвижка, и наша платформа, осуществив последний рывок, замерла в проёме арки, перекрытой по обеим сторонам всё теми же неподъёмными заслонками. Впрочем, одна из них сразу же поехала наверх. Мы выбрались на свет и, миновав просторный двор, упёрлись бампером

в поперечный рельс. Старший приоткрыл окно и сунул в нос дежурному корочку красного сафьяна. И это был последний рубеж перед моим заслуженно условно-досрочным освобождением.

Далее был короткий путь, хорошо знакомый всякому москвичу, – от Старой площади до Кремля. Мы въехали через Спасские Ворота, и я успел заметить, как оба автоматчика в синих шинелях слева и справа от арки отдали честь нашему автомобилю. Оставалось недолго – доехать до административного корпуса, где нас уже ждали. Очередные двое, в одинаково серых костюмах и не сильно разнящиеся лицами, сурово кивнув моим сопровождающим, приняли меня из рук в руки и повели по лестнице на второй этаж. Первый, рассекая пространство, шёл впереди. Другой, замыкая нашу троицу, постоянно находился за моей спиной. В таком же порядке мы миновали коридор, затем взяли правой и поднялись ещё на пол лестничного марша. Там обнаружилась аккуратная лестничная площадка, куда выходила дверь небольшого лифта. И две одинаковые двери. Тот, что был спереди, толкнул левую и прошёл вперёд. Второй легонько подтолкнул меня в спину, приглашая следовать за ним. За дверью обнаружилось довольно уютное пространство наподобие небольшой квартирki-двушки, обставленной довольно казённой, но вполне качественной мебелью. Первый кивнул на диван:

– Сядьте. И ждите.

Затем оба, словно получив невидимую команду, синхронно развернулись и вышли, приотворив за собой дверь. Я тут же встал и, скинув головной балахон, принялся ходить туда-сюда, осматривая помещение. В нём имелась даже небольшая кухня с холодильником, электрической плитой и набором посуды. Гостиная, она же спальня, особым размером не отличалась, зато небольшое смежное с ней пространство без соединительной двери оказалось миниатюрным кабинетом, куда был втиснут полноценный письменный стол с полукреслом на вертушке, небольшой, но вместительный стеллаж и даже нашлось место напольному сейфу с массивной рукоятью. На сейфе – графин с водой на алюминиевом столовском подносе и гранёный стакан в единственном числе. Обитель явно предназначалась для проживания лишь одного человека. Пожалуй, из интересного это было всё, за исключением неплохих пейзажных репродукций Левитана, довольно бессистемно развешанных тут и там. Дед мой, Моисей Наумыч, обожал, помню, этого художника, но в ту пору он уже, кажется, был порядком не в себе, хотя всё ещё преподавал. Говорил, только нерусский глаз может так точно, столь изящно, с такой невообразимой нежностью передать истинно русский простор: эти поля, берёзы, заливные луга и всё, чем дорога нам наша природа. Свой же собственный, чисто русский взгляд на красоту, у нас замылен, считал он, – больше тёмн и ожесточён, нежели объективен и доброжелателен. Мы живём в пространстве оптических иллюзий, не постигая настоящей цены простого волшебства и отчасти выворачивая реальность наизнанку. Мы, словно фокусники, выдумываем себе новые отвратительно устроенные миры вместо того, чтобы вынуть из цилиндра обыкновенного кролика, тёплого, пушистого, земного. Помню, я слушал в те годы эти его нечастые лирические отступления и уже понимал, что дедушка постепенно теряет грань между извечной приверженностью ко всему привычно русскому и этим его иудейством, к которому он прибился больше по недоразумению, чем по зову неугомонной души.

Закончив ознакомительный круг, я вернулся туда, откуда начал, и плюхнулся на диван. Я по-прежнему не понимал, что происходит, но я же и знал, что имеется тот, который понимает. Некто, кто действует с некой целью, и, вероятно, уже строит в отношении меня зловещие планы. Именно в этот момент он и объявился, прервав мои размышления. Тот самый. Резко зашёл и, не дав опомниться, спросил улыбочиво:

– Ну что, Гарь, привыкаем помаленьку?

Я поднял глаза и обомлел. Передо мной стоял Хорьков, тот самый поэт из подвального ресторана, чьи стихи так убийственно, помню, подействовали на меня, молодого безвкусного дурня.

– Пусть они злятся, пугают, хохочут... точат свой нож... я оторвусь, отыщу этой ночью... правду и ложь, правду и ложь... – пробормотал я в полой растерянности. – Влад? Хорьков? Владик? Не ошибаюсь?

Мне было 34, ему, наверно, немногим больше. И если отбросить тот десяток лет, который мы с ним не виделись, плюс обстоятельства этой явно неслучайной встречи, то моё изумление легко было объяснить.

– Надо же, помнишь... – улыбнулся он и двинулся в мою сторону, распахнув руки. Я поднялся и, неловко растопырив свои, сделал встречный шаг. Мы обнялись и, замерев на пару секунд, постояли так, слабо прохлопывая друг друга по плечам. Затем расцепились и сели. И я спросил:

– Что всё это значит, Влад? Ты кто вообще? И что я тут делаю?

– А ты себя видел? – ответно поинтересовался он, – я имею в виду, своё отражение в зеркале.

Да, в этом месте он меня подловил. Потому что только сейчас я сообразил, что весь этот мучительский марафон, начиная от поездки с ондатрами и до последней подземной минуты, я не имел в обиходе зеркала, никакого, нигде. Умывался больше на ощупь, брили меня без личного вмешательства в процесс, осматривали, резали и по-всякому своевольничали, тоже не советуясь и не прося о любой взаимности.

– Нет, – честно ответил я, – а что, неужто так изменился?

– Ну так иди, там у тебя в душе висит над умывальником, загляни ради интереса.

И это было потрясение номер два. Вернее, номер три, если считать, что действие происходит внутри кремлёвской квартиры с видом на ивановский бульжник и Большой Кремлёвский сквер.

В отражении увидел – нет, не себя: я обнаружил там полноценный отгиск Верховного Правителя Возрождённой Российской Империи Кирилла Владимировича Капутина. Он же Кирилл Первый. Он же Кирка, друг детства, шельма с Рабочего Посёлка, юный самбист и подельник по пионерской хулиганке времён летних лагерей. Ни больше, ни меньше!

Я вернулся в гостиную и на остатке жизненного ресурса рухнул мордой в диван.

– Э-э, поосторожней! – слегка напрягся Влад, – ты пока ещё на долечивании. Считаю, в реабилитационном центре, но только в отдельной палате. Теперь твоё лицо не просто морда, а государственное достояние, понятно? Чужое имущество. Зря что ли мы столько бились над ним – каждый штрих в оригинал вгоняли, по внешности и голосово. Ну и в целом.

– Чтобы что, Владик? – подал я голос от диванной подушки, – и вообще, с какого перепуга я тут оказался? Почему я?

– Ну тут не одна причина, – развёл руками Хорьков, – во-первых, изначально похож. Плюс рост, вес и тип волос. Во-вторых, родня отсутствует. Сам понимаешь, насколько это важно. Признаться, имеются разновсякие варианты помимо твоего, но, как говорится, Манька дома – Ваньки нет, и наоборот: лицом годеен, а живот практически неубираем, или всё, допустим, при нём, а голос настолько дурной, что никакая хирургия не справится, хоть глотку целиком вынимай и новую вправляй. Про возраст вообще не говорю, тут дело ясное – или он есть, или нет его, какой нужен. Но главная беда с теми, у кого дети эти чёртовы, будь они прокляты, плюс жёны там разные, бабки-дедки всякие, друзья бесчисленные и друзья друзей друзей. Чихни – все в курсе, хоть убивай их всех, понимаешь. – Он саркастически скривился. – Шучу.

– А чего надо-то всё же, – не удержался я, – чего вы от меня конкретно хотите, Владик?

– Того и хотим, драгоценный друг Грузинов, чтобы стал ты окончательно и полноценно наш и только наш. – Хорьков явно не скрывал правды, и это добавляло уверенности, что всё же меня не заколбасят. – Чтобы ты целиком отдал себя на службу Родине, обретя новый статус и постоянную прописку на этой вот кремлёвской жилплощади. Ну кто, если не ты, сам подумай!

Ни родни, ни кого из близких, если случайную шушеру какую-нибудь отбросить. Ни детей, опять же, и, насколько знаем, ни одной действующей любовницы. – Он чуть загадочно хмыкнул. – Ну разве если только не считать Блажнову.

– Это кто ещё? – напрягся я. – Какую Блажнову? Не знаю такой.

– Так санитарка твоя, какая заботу проявляла, пока ты в коматозке отдыхал, – по-доброму улыбнулся Влад, – на минус третьем горизонте.

Я вздохнул:

– Есть, чего вы обо мне не знаете, интересно?

– Такого нет, – с неожиданной жёсткостью в голосе отреагировал Влад, – нет и не будет, Гарик. И считай, что тебе ещё очень повезло. Потому что те, кто над тобой работал, в отличие от тебя вообще оттуда не выйдут, никогда. По крайней мере, до той поры, пока их не вынесут, или же до срока истечения гостайны. В общем, в порядке очерёдности наступления события. И они в курсе, между прочим. И согласны. Потому что патриоты. И родня у них на госсохранении.

– А как вы меня нашли, если не секрет?

– Ну это больше случай, хотя и Сам – тоже подсказал в какой-то момент. Открою тебе, как своему, гостайну – недоволен он низким качеством двойников, наш ВП. И – строго между нами – опасается быть скомпрометированным, неловким словом каким-нибудь или не выверенным до абсолюта поступком. Не тот поворот головы бывает, например, или даже, на худой конец, чихнёт не вовремя или не так утрётся. Был один такой, мы его это... – тут он на миг замялся, но тут же продолжил, – в общем, отстранили. Короче, нужно, чтоб ни микрона ниже планки. Такова железная установка. Вот и мучаемся, как рабы на галере. А тут он вспомнил, что вас с ним попутали когда-то в молодые годы. То ли тебя, то ли обоих вас с одного и того же лагеря вышибли: вроде бы за нарушение режима. Но только сомневался, что подойдёшь. Сказал, что кроме всего прочего ты ещё и скрытый еврей, хоть и похож на более-менее нормального человека. А теперь, говорит, наверняка нос у него иудейской картофелиной сделался, как у дедушки-профессора, и хорошо, если не картавит, что тоже с возрастом случается в связи с анатомическим изменением гортани и носоглотки.

– Это что, серьёзно? – враз погрузился я. – Так и сказал, что нос картошкой и что еврей не пройдёт?

– Ну сам подумай, – обречённо выдохнул Хорьков, – где он и где ты со своей наследственностью. Но это – вообще, в принципе, если рассматривать законы эволюции. А только я рад, поверь, что твой случай уникален. Ничего, слышишь? Ни-че-го-шень-ки не мешает, будто сделан по спецзаказу Администрации Верховного Правителя. Даже голос вогнали в тебя такой, что ночью разбуди, испугаешь. В хорошем, я имею в виду, смысле – похожестью. Нам с тобой и осталось-то всего ничего – стилиста-брадобрея напрячь – причёска-укладка-колеровка. И можно приступать к пробам.

– Так я двойник буду, значит? – уточнил я, – И на какой же срок? И каковы задачи? И кто ты сам тут, кстати говоря, – кто у меня прямое начальство?

– Я-то? Я тут, кстати говоря, руковожу Администрацией Верховного Правителя, – отозвался Владик, – и я же отвечаю за его двойников, включая тебя. Я ставлю задачу и к ней же вас готовлю. Больше ты ни с кем дел иметь не будешь, кроме непосредственно меня, Верховного Правителя и народов мира и страны. Но не лично, а лишь с толпой или через телевизор. Иногда голос попишем, если Первый не сможет по какой-то причине. Да мало ли чего! Без работы не останешься, гарантирую. А так... на всём готовом, плюс охрана у лифта и уборка по типу Блажновой... ну вроде как для личной жизни, – и приличное вспомоществование, непосредственно на сберкнижку. Вопросы имеются?

– Постой, так сколько их, я не понял? Нас, я имею в виду, двойников Кирилловых.

– Семь, если с тобой. На данный момент в работе шесть, опять же включая тебя. Каждый на своём месте, по ситуации. Но к тому дело, смотрю я, идёт, что ты, Гарь, будешь основной.

Такой в нашем хит-параде проходит, как «оригинал», исходя из условий минимальных потерь и максимальных выгод для империи. – Всё это время он прохаживался от стены до стены, огибая по пути обеденный стол и подгоняя левой рукой Левитанов под идеальную горизонтальность развески. Педант. Правой – теребил подбородок, одновременно пребывая в собственных государственной важности мыслях. Затем присел ко мне, на диван. И продолжил лекцию: – Есть у нас «Говорун», тоже вполне приличный работник, но сверхузкого направления: озвучивает аудиосуфлёра на ежегодных встречах Верховного с народом. Иногда – фильмо-документАрию, если требуется. Ну ещё «Удмурт» имеется: он пока в деле, но лично я считаю его крайне неудачной копией. На мой вкус явная подделка, хотя Первый и не разделяет. Что он там в нём видит – своё какое-то? А, может, и изнутри идёт та общность, не знаю, не знаю. Но мы его в любом варианте держим больше как запасного игрока, на случай, если другой не сможет.

– А почему, собственно, удмурт? – удивился я, несколько уязвлённый схожестью нашего общего оригинала с нетитульным собратом.

– Да у него самую малость скулы подкачали, – отмахнулся Владик, – у тебя-то с Первым в этом смысле более-менее ещё, практически то на то, а у этого они как бы чуть-чуть раздались и немного отъехали за Волгу, в Мордву какую-то, ближе к чувашам. Нет, не то, не то... – он в сомнении покачал головой. – Только на дальних расстояниях и может работать, ближе не пускаю – подставит так, что после неприятностей не оберёшься.

– А ещё кто? – мне уже было интересно, хотя сама по себе чудовищность выявленной ситуации время от времени достигала башки и заставляла височные жилки пульсировать где-то ближе к затылку. И всё же в то время я ещё не до конца понимал, куда попал, какое страшное горе свалилось на меня и через что мне предстоит пройти в связи с запуском своей единственной жизни на эту во всех смыслах дикую орбиту.

– Кто ещё? Ну ещё имеем «Либкнехта», например, потому что он по отчеству Карлыч. Им я тоже недоволен. Больно уж нехорошо в том году засветился на встрече с киргостанским главой. В отдельные моменты дрыгал ногами не по протоколу. И кроме того, у него рекордно пухлый подбородок, какой вообще недопустим. Кирилл Владимирович гневался, когда в записи потом на себя такого глянул. И были оргвыводы. Так что Либкнехт у нас тоже, можно сказать, пока в резерве главной ставки. – Он саркастически хмыкнул и вновь принялся теребить подбородок. – Зато «Дипломатом» ВП пока, вроде бы, доволен. Этот у нас больше на брифингах стоит, но непременно в наушниках: у него с ушами не порядок. Тебе вон лопухость частично сняли, без проблем, а с ним гладко не получилось, мышцу не ту посекали с одной стороны. С этой стало нормально, а с той – оттопырка. Лучше б вообще не трогали, идиоты. Ну мы потом того хирурга на минус шестой спровадили, на жёсткую профилактику.

«Что же тогда минус седьмой... – в страхе подумал я, – натурально ад, что ли? А на шестом – тренировочный крематорий?»

– Так вот я и говорю, – продолжил Хорьков, – почему мы тебя так тщательно с самого начала опекали, Упырёва напрягли, команду спустили, чтобы не доставал по-пустому, и вообще?

– Почему?

– А потому что, когда итальянский премьер сразу после брифинга чокнуться с ним пожелал два года назад, шампанским, так этот наш гомункул вовремя улизнуть не успел. И пришлось наушники снимать, ухо дурное светить. А оно нам надо через одно ухо подставляться, чтоб насчёт другого пересуды иметь ненужные? То-то и оно... – Он вздохнул, но тут же вновь по-доброму улыбнулся: – Другое дело, когда «Банкетный» работает – этот из удачных, считаю. Душа народа: выпить может, чокнуться, рукопожаться с публикой, сфоткаться опять же. Где он, там мы стараемся побольше спиртного, хорошего, обильно. Не считаем, не жмотничаем – главное, усыпить бдительность: а ведь лучше нет, чем через это дело усыплять, сам знаешь. Ты же у нас тоже в этом смысле проблемный, насколько я помню. – Я только собрался открыть рот,

чтобы частично возразить, но Владик уже опередил меня, добродушно хлопнув по плечу, – Ладно, не возникай, Гарь, это решаемо. Полторы кремлёвских таблетки, и ты в порядке. На неправильный алкоголь – быстрая отрыжка, зато на нужный – полное мерси от организма. Я через Ионычевых людей выпишу для тебя, с запасом, на непредвиденный протоколом вариант.

– Кто это, Ионыч?

– Старцев Дмитрий Иванович, глава УПОЖХа – Управления обеспечения жизни и хозяйства при Верховном Правителе. Без него никуда: все резиденции на нём, снабжение, транспорт, жильё, медицина верхов и всё такое. Мутный дядька, если честно: одно слово – самбист. Чуть зазеваешься, если что, так сустав наизнанку вывернет или любую конечность на излом так поставит, что не вывернешься. Ему всё равно кого ломать, хоть Иисуса Христа, а хоть сатану, без разницы, лишь бы верх был его. Так что ты поосторожней с ним, Гарь, рот особо не разевай, заглотишь и не подавится.

– А на тебе, Влад, выходит, только мы?

– На мне брат, идеология имперского уложения и руководство всем аппаратом. Известное дело – смысловик. Ну а вы – мой факультатив, доп.нагрузка, которую человеку со стороны не доверишь, слишком ответственно.

– А почему он Ионыч, раз Иваныч?

– Шутишь? Ну а кто у нас «человек в футляре»? Правильно, Дмитрий Ионыч, который Старцев, чеховский. Хотя наш, если по жизни, больше кунцевский. А вообще, он и правда, будто в вечном футляре. Всё выкручивает чего-то, выгадывает. Первый его при себе, как священную корову держит. Не знаю, по мне так неприятный человек, не свой, мы с ним не очень ладим. К тому же стихи не признаёт. Я к нему как-то, помню, подгрёб на одном событии, с вином и прочим, и в рифму чего-то сказал, но не просто, а по делу, из большой поэзии, типа «И от Цезаря далёко, и от вьюги/Лебезить не нужно, трусить, торопиться/Говоришь, что все наместники ворюги?/Но ворюга мне милей, чем кровопийца...». Закинул на реакцию. И не дождался. Он посмотрел на меня, словно на изгоя какого, и цедит сквозь зубы:

– Отвянь, Хорёк вонючий.

Владик чуть раздражённо махнул рукой и вернулся к теме:

– Ладно, про последнего из ваших расскажу, и на этом пока прервёмся. Я и так на тебя времени убил больше необходимого, и только потому, что ты свой и ценишь мои тексты. Печататься-то не с руки, сам понимаешь, а читать некому. Вот и маюсь, Гарик: нет же ничего обидней для автора, чем невостребованность. – На этом месте он на миг прервался и резко мотнул головой влево-вправо, как бы стряхивая с себя наваждение. И продолжил начатую тему: – В общем, есть у нас ещё «Синяк», такой у него код. Но по нему серьёзная заминка. В начале года Верховный с турецким Президентом в Анкаре встречался, так тот его ждать заставил чёрт-те сколько, и это при сотне-другой журналистов и разных важных лиц. Ну Первый подождал-подождал ещё сколько-то и психанул, за кулисы ушёл. А назад уже синяк вышел: подменили мы Первого, видя, что тот на грани срыва. А этот, как только на сцену ступил, так и турок появился. Руки пожали, всё честь по чести, синяк нормально улыбается, виду не подаёт. Похож – не то слово, почти как ты. И тут двойной свет на них дают, под съёмку. А спереди оба флага, поблизости: наш императорский стяг-триколор, с двуглавой птицей и рукоятчным серпом, и их с турецкий – с серпом без рукоятки и звездой. Так вот тень от обоих флаштовиков ровно над головой нашего Кирилла Первого ложится – да так, будто у него разом дьявольские рога на макушке выросли. Все, конечно, промолчали, но позор был солидный, уж мы-то в курсе. ВП, ясное дело, в ярости: приказал, чтоб синяка этого в Кремле духу не было. Решил, что это именно он всей этой сатанинской мистерии способствовал. Ну и я огрёб заодно, что не проследил, что, мол, вовремя синяка этого у батюшки не почистил.

– Он что, реально верующий? – не мог не поинтересоваться я. – Верховный наш. А то ведь разное говорят, сам знаешь.

– Ну-у-у... это когда ка-ак, – раздумчиво протянул Хорёк, – зависит от нужд православно ориентированной империи, сам понимаешь. В принципе, больше да, чем нет, исходя из чисто практического интереса нации. Но, с другой стороны, сам же знаешь, мир постоянно меняется, и, учитывая геополитический аспект, ни мы, ни они – никто не желает закостеневать в догмах. Вон католики папаримские концепцию чистилища взяли, да и пересмотрели, легко, одним махом приняли после многовекового воздержания. А наши всё по непорочному зачатию никак договориться с ними не могут: то ли было, то ли не было, то ли от духа святого, то ль от поднятой пыли дорожной, как предложил один поэт. А ты говоришь, верит – не верит – плюнет – поцелует. К тому же это тесно связано с валовым доходом, нормой прибыли – убыли, оптимизацией внеправославно-идеологического сектора, ну и с дальнейшим формированием последней нацидеи накануне четвёртого чтения в Госсовете. И главное, с текущим курсом рубля к юаню, если только углеводороды окончательно не рухнут. Так что, если прижмёт, то на период стагнации и в Будду поверишь шестирукого, и в царя Соломона, и в пророка Магомета одновременно. – Сказал и ухмыльнулся. – Шучу. А если серьёзно, синяка я не убирал, упробил поддержать в резерве, на пару с Либкнехтом, до критических времён. Мало ли, а вдруг вы у меня разом помрёте все или ещё чего. – И лукаво подмигнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.